

⁶ Подробное их описание см.: Buddhist Symbols... P. 85.

⁷ Chiodo E. «The Book of the offerings to the Holy Cinggis Qayan». A Mongolian Ritual Text // Zentralasiatische Studien. Bd. 22. 1989 / 1991. P. 190–220; Pt II: Zentralasiatische Studien. Bd. 23 (1992 / 1993). 1993. P. 84–144; Eadem. History and legend: The Nine Paladins of Cinggis (Yisün Örlüg) according to the «Great Prayer» (Yeke öčig) // Ural Altaic J. Neue Folie. Bd. 13. Bonn, 1994. P. 175–225; Eadem. The Black Standard (qara sülde) of Cinggis Qayan in Baruun Xüree // Ural Altaic J. Neue Folie. Bd. 15. 1997 / 1998. P. 250–254; Narasun S. Cinggis qayan-u naiman čayan ordu bolun ordosčud. Kökeqota, 2000; Sayinjiryal Š. Altan ordon-u tayily-a. Kökeqota, 1983; Cinggis qayan-u «Altan bičig». / Ed. by S. Narasun, K. Načoy. Kökeqota, 2000; Cinggis qayan-u naiman čayan ordu-yin emkidken nayirayulqu duyuylang emkidken nayirayulba. Kökeqota, 1998.

⁸ Баяр Д. Дорнод Монголын хун чулуу // Худулмур. Улаанбаатар, 1988.

⁹ Цултэм Н. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М., 1986. Табл. 48.

¹⁰ Лубсан Дамзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. и коммент. Н.П. Шастиной. М., 1973. С. 100.

¹¹ Гомбоев Г. Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста «История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами» // Тр. Восточного отд. Русского археолог. об-ва. Ч. 6. СПб., 1858. С. 139–140.

¹² Ванчикова Ц.П. «Čayan teüke» – «Белая история» – монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Рукоп. дис. ... д.и.н. Улан-Удэ, 2001. С. 108.

¹³ Čayan teüke («Белая история»)... С. 77.

¹⁴ Buddhist Symbols... P. 76.

¹⁵ Нямбуу Х. Олноо оргогдсон Богд хаант Монгол улсын торийн ёслол. Улаанбаатар, 1993.

V.V. Bazarov, N. Niam-Osor. From the History of the Mongol State Symbolics

The main symbols of the Mongol State, such as the powerful golden quiver, the big diamond sword the high throne etc. are the subject of the author's research. On the basis of the «Secret Mongol Legend» analysis and comparative study of the historical literature two separate layers of the symbolic – autochthonous Mongolic and Central Asian, reflecting archaic and middle ages notions of the higher authority and its attributes are delineated. With the development of the state symbolic the Mongolic attributes of power and statehood were preserved intact almost till the beginning of the XXth c.

© ЭО, 2003 г., № 2

А.Б. Островский

ЧИСЛОВОЙ КОД В МИФОЛОГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ КУЛЬТУР ТИХООКЕАНСКОГО СЕВЕРА

Использование чисел в качестве классификаторов – своеобразной ментальной формы для разбивки на классы и тем самым логического упорядочения наблюдаемых объектов и их отдельных признаков – характерно для многих бесписьменных культур. В этнологических исследованиях XX в. встречается немало сведений о роли числовых констант в мифологических представлениях и верованиях. Но до настоящего времени остается мало изученным функционирование чисел в рамках мифологических повествований, где они обретают статус особого кода и, возможно, некоего метаязыка.

Семиотическая нагрузка, приходящаяся на числа, функционирующие в текстах усиливается в тех случаях, когда в культуре сохраняется лингвистическая предпо-

сылка для этого – живая гносеологическая связь имен числительных с обозначаемыми ими объектами. Рассмотрим общие и особенные черты числового кода в мифологической традиции шести народов, территория проживания которых в XIX – начале XX в. охватывала значительную часть севера Тихоокеанского побережья. Назовем их, двигаясь на север и северо-запад: нивхи, чукчи, эскимосы, американские индейцы – тлинкиты, хайда, квакиутли. В мифологических повествованиях этих народов обнаруживаются сходные представления об устройстве мироздания: наряду с его трехчастностью и ориентированностью по вертикали космологическая модель нередко состоит из пяти сфер, одна из которых – море. Можно показать, как общий для этих народов экологический фактор, обусловивший значительную роль морского зверобойного промысла и рыболовства в их жизнеобеспечении, нашел отражение и в специфических сюжетах, связанных с морем и противоположением суша – море и с такой числовой константой, как 5, имеющей структурообразующий характер.

Доминирование констант 5 и 3, субкоды – анатомический и образованный парциальностью мироздания (эскимосы)

Начнем с мифологии эскимосов, у которых, пожалуй, наиболее ярко и часто, причем по нескольким аспектам повествования, представлена значимость константы 5. Изложим записанный Ф. Боасом у эскимосов Баффиновой Земли миф о Седне – владычице морских зверей. (Излагаемая версия ни разу не приводилась на русском языке; она интересна своей полнотой, присутствием взаимно дополняющих сюжетов и мотивов.)

Девушка по имени Авилаек не хотела выходить замуж. В селении был камень, расщепленный красным и белым, который превратился в пса, женившегося на этой девушке. У нее родилось много детей: эскимосы, белые люди, а также *инуарудлигат*, *ижикат* и *адлет*. Дети раздражали своим шумом отца героини, и в конце концов он отправил всех их на остров. Каждый день Авилаек посылала своего мужа к отцу за мясом для себя и детей. Она вешала ему на шею, закрепив бечевой, пару сапог, старик наполнял мясом, а пес доставлял мужчину на остров.

Однажды, когда пес отправился за мясом, к острову причалил каяк с незнакомцем, который стал звать женщину. Он был высок ростом, имел приятную наружность. Авилаек взяла свою суму, спустилась к каяку, и они отчалили. Когда они были уже далеко от берега, перед ними оказалась плавающая льдина. Мужчина вышел на лед. И только тогда Авилаек заметила, что он небольшого роста: этот человек показался ей высоким, поскольку сидел на возвышении. Она закричала, а он рассмеялся и спросил: «А, ты заметила мое сиденье?» (по другой версии, он носил снеговые очки из морской кости и спросил: «Ты видишь мои снеговые очки?»). Затем он вернулся в каяк, и они продолжили путешествие.

Наконец, они прибыли туда, где было много народу и много хижин. Мужчина показал ей свою хижину из шкур годовалых тюленей. Они находились здесь три–четыре дня, а потом он снова отправился на тюлений промысел. Ее новый муж был буревестник.

В это время отец Авилаек, оставив пса, ее прежнего мужа, в доме, отправился на остров на поиски дочери. Не найдя ее там, он приказал псу дожидаться его и продолжил поиски. Старик долго искал и, наконец, прибыл туда, где жила дочь. Оставаясь в лодке, он стал звать ее домой. Авилаек села в лодку, и отец спрятал ее среди шкур.

Спустя некоторое время они заметили человека, следовавшего за ними в каяке: это был новый муж дочери. Вскоре он догнал их и попросил молодую женщину показать руку – ему хотелось убедиться в том, что в лодке его жена, однако она даже не шевельнулась. Тогда он попросил ее показать рукавицу, но ответа не последовало. Мужчина стал кричать, положив голову на скрепленные руки у смотрового отверстия каяка. Отец женщины греб так быстро, что они оставили этого человека

позади. Через какое-то время отец и дочь заметили нечто странное, выглядевшее то как человек в каяке, то как буревестник. Он взлетал вверх и падал вниз, затем проносился над водой, подлетел к их лодке, облетел вокруг несколько раз и опять исчез. Вдруг появилась рябь, поднялись волны и разразился шторм.

Между тем до берега было еще далеко. Старик испугался, что они потонут, и в страхе перед мстью мужа дочери бросил ее в воду. Она ухватилась за край борта, тогда отец топориком отрубил ей первые фаланги пальцев. Упав в воду, они превратились в китов, причем ногти стали китовым усом. Дочь снова ухватилась за борт лодки и отец отрубил ей вторые фаланги – они превратились в бородастых тюленей. Авилаек в третий раз уцепилась за лодку, и отец отрубил ей последние фаланги, которые стали тюленями. Теперь она цеплялась за борт обрубками ладоней, и старик вконец выбил ей левый глаз. Дочь упала в воду, а отец погреб к берегу.

После этого сапоги, в которых пес обычно доставлял мясо своей семье, он наполнил камнями и сверху положил мясо. Пес отправился на остров вплавь, но на полпути тяжелые камни утянули его под воду, и он утонул с большим шумом. Была низкая вода, и отец устроился под навесом на берегу, но когда поднялся прилив, он исчез под водой.

Женщина стала Седной, живущей в нижнем мире в доме из китовых ребер. У нее один глаз; она не может ходить, только скользит, у нее одна нога согнута, а другая вытянута. Отец живет с ней в ее доме, а пес – у входа в дом¹.

В этой версии фактически объединены два сюжета: о происхождении нескольких племен (и этносов) от брака девушки, не желавшей выходить замуж, с псом; и о происхождении морских животных и Седны. Каждый из этих сюжетов автономен и зафиксирован не только у данной, но и у других групп эскимосов – гренландских, канадских и аляскинских². Интересно, что в одной из версий гренландских эскимосов, записанной Ф. Боасом, речь идет о трех женщинах: одна из которых вышла замуж за пса и стала прародительницей всех народов, другая вышла замуж за птицу, из отрубленных фаланг ее пальцев возникли морские животные; о судьбе третьей женщины ничего не сказано³. Таким образом, в этой версии две различные этимологии отнесены к разным субъектам; общее для них – только признаки сверхэкзогамного брака: с домашним животным и с морской птицей. Данная версия важна также тем, что в ней присутствует как бы пустой числовой показатель, а именно 3 – в то время как здесь не указано, сколько именно возникает народов и сколько видов морских животных.

Если уделить специальное внимание числовым показателям – пусть не названным в тексте, но заданным посредством перечисления, то обнаружится, что в ряде версий, разрабатывающих сюжет о происхождении народов от брака женщины с псом, названы пять этносов, или три (так в другой версии, записанной Ф. Боасом у эскимосов Баффиновой Земли, названы ижикат, инуарудлигат и эскимосы)⁴.

Число 3 отчетливо представлено и в ключевом эпизоде предания дочери морской стихии: отец в три приема, последовательно отрубает ей верхние, средние и нижние фаланги пальцев, лишая ее какой-либо возможности удержаться за лодку и добраться до суши. В этом эпизоде число 3 двояко соотносено с числом 5 (и 10), поскольку речь идет об отсечении фаланг на всех пальцах рук. (Отметим, что в эскимосском языке, как в чукотском и нивхском, этимология имени числительного «пять» восходит к слову «рука»)⁵.

Итак, в обоих сюжетах, связанных с Седной, сопряжены числа 5 и 3: либо как способные замещать друг друга (в разных версиях о происхождении различных этносов), либо как взаимно дополняющие. Последнее задано тем, что числовой аспект повествования представлен в анатомическом коде, а именно увязка 5 и 3 как бы заложена в анатомическом строении человеческой руки. Добавим к этому, что в одной из версий отец Седны, уже став обитателем подводного жилища, может появляться перед умирающим человеком, хватая его правой рукой, на которой имеется только три пальца⁶. Заметим, что в базовой версии рассказчик дважды упоминает о

руке: муж-буревестник просит жену показать ему руку; сам глядит в сторону ускользающего от него каяка, «положив голову на скрещенные руки» (и тем самым его ладони как бы отделены головой от остальной части рук).

Рассмотрим, в каких формах присутствует числовая маркировка – количество однородных персонажей, объектов или действий – в других мифологических повествованиях эскимосов. Оказывается, что почти всегда там, где она есть, присутствует константа 5, иногда дополняемая константой 3. При этом, когда встречается число 5, выделяются различные типы ситуаций по их месту и роли в повествовании.

Первый тип – таково количество однородных (одинаковых по происхождению или имеющих одинаковое назначение) персонажей, объектов, образующих целое в самом начале, или столько их оказывается при первой встрече с героем, или же в самом конце повествования. Например, пятеро детей (у животных, у людей), пять братьев, пять дочерей, пять сыновей, четыре сына и дочь, пять байдар, пять яранг, пять стрел, пять пришельцев со стороны моря, пять добытых китов, пять убитых оленей, присутствие пяти видов птиц, пять песцов и пять выдр – в правой и левой руке людоеда⁷.

Второй тип – таково количество однородных объектов или обстоятельств, следующих одно за другим или же последовательно актуализируемых героем. Например: а) пять звезд, потухая, падают одна за другой на землю, и герой, следуя за ними, попадает к горным людям⁸; б) старухе, сватающей своего сына, поочередно отрубают четыре пальца, остается один⁹; герой отрубает старухе правую, а за ней и левую руки, потом в той же последовательности ноги, затем голову¹⁰; в) убегая от кита, преследующего девушку и ее родственников, она бросает ему пять парных частей одежды (одну, затем другую рукавицы; нижнюю кухлянку; один, потом другой торбаса; меховые штаны, трусы)¹¹; г) таково количество времени, дней и ночей, необходимое герою, чтобы вернуться морем из дальних мест (из морской земли?) к своей яранге, или количество дней праздника добычи тюленей¹², иногда сказано, что прошло пять зим¹³; обязательное посещение могилы матери на пятый день после похорон, это выполняет младший, пятый сын¹⁴; шаманский плащ оживает на пятый день¹⁵; д) даны перечислением, без указания их числа, пять сфер мироздания, последовательно посещаемых героиней, – земля, где живут родители, небо, где живут орлы, тундра, где живут бурые медведи, северное сияние, море и подводная сфера¹⁶; е) этиология пяти этносов (этнических групп), возникших из пяти, как сказано, объектов, – связки лучин и двух пар рукавиц (из одной рукавицы произошли русские, из другой – американцы, из третьей – «оленоводы», из четвертой – береговые чукчи, а из лучин – эскимосы)¹⁷.

Отметим, что иногда подобным образом для некоторых ситуаций задействовано не количество пять, а числа 10 или 20, кратные пяти: восемь братьев, сестра и ее муж – китовый череп¹⁸; 20 рук у червяка, который, сосчитав до 20, надевает все свои перчатки¹⁹.

Число 5 (и кратные ему) обычно или образует совокупность персонажей и связанных с ними объектов, или же представляет собой мотив повествования (например, отсечение пальцев руки). Вне зависимости от конкретного фольклорного сюжета маркирование числом 5 имеет определенные, вполне отчетливые семиотические функции. Всякий раз число 5 означает совокупность, полноту, играя в этом смысле роль метаязыка описания. Кроме того, соответственно различным сюжетобразующим мотивам, числовой код, или метаязык чисел (5 или 5 в корреляции с 3, об этом ниже) обслуживает один из кодов, различающихся по своей семантике: 1) анатомический субкод; 2) субкод структуры мироздания.

Анатомический субкод, в свою очередь, иногда задействует число 2 – парные органы (две руки, ноги) и соответствующие им части одежды, обуви (рукавицы, штаны, торбаса; в мифе о Седне речь идет о паре сапог), нередко – число 3 с той же функцией в сюжете, или дополнительно к количеству пять. Так, девушка – разборчивая невеста, обидевшись на отца, шьет себе три пары обуви и уходит, попадая к

пяти братьям-охотникам²⁰; шагнув 3 раза, герой, находящийся в подводном мире. оказывается в своем селении²¹; из трех оленьих шкур шьется одежда²²; у мужчины: две жены (в одном из повествований у одной из них – два сына, в финале другого повествования на каждую землянку выделяется по пять лис, пять бобров, пять песцов, пять выдр и поровну мяса дикого оленя, а в целом землянки селения наделены пятью видами дичи)²³; три поселка, женщина и ее двое детей, у каждого из старших по трое детей²⁴; супруги и их сын, одна из жен героя в течение трех дней находится подо льдом у Хозяйки моря²⁵; герой, которого в ходе обучения волк-учитель 5 раз бросал на землю (первые 3 раза из него выпадали нерпичьи косточки), позднее убивает на льду трех медведей, обрывая им все конечности (т.е. как бы разрывая медведя на пять частей)²⁶.

Итак, числовой код (его референты: константа 5 (3) и взаимная дополняемость 5 и 3), конкретизируясь в сюжетах мифологического повествования, как бы задает мыслительную схему, сохраняя нередко привязку к строению тела человека (или медведя). Наиболее определенно сопряженность 5 и 3 предстает в мифе о Седне: от троекратного отрубания по пяти фаланг образуется три вида морских животных, причем некоторые из них (тюлени, моржи) – пятипалые²⁷.

Если сцепленность числового кода с анатомической характеристикой (в силу чего последняя и выступает субкодом относительно числового аспекта как такового) представлена вполне эксплицитно, то высказанный выше тезис об аналогичной связи числового кода со структурой мироздания требует дополнительного исследования. Сразу же отметим, что во многих случаях константа 5 присутствует, когда речь идет о такой космической сфере, как *морской (подводный) мир*. Так, в мифе о Седне его этимологическим сообщением как раз выступает возникновение подводного мира с его владычицей, хозяйкой морских животных. Упоминаемые пятеро (трое) персонажей чаще всего живут на морском берегу. Пять дней (или три шага) – именно столько времени (действий) требуется герою, чтобы попасть из морского мира в свое селение.

Море (подводный мир) гораздо чаще, чем другие – небо, тундра и т.д. – выступает в качестве иного мира, куда путешествует, откуда возвращается герой. Пожалуй, это объяснимо как географическим фактором, так и преобладанием в хозяйственных занятиях народов севера морского промысла. *Структура мироздания* как ментальный конструкт, подразумеваемый в мифологии, обнаруживается более явственно, когда в рамках одного и того же повествования герой посещает несколько космических сфер.

У азиатских эскимосов существует ряд мифологических повествований, где герой действует в нескольких космических сферах. Кратко изложим их и проанализируем связь структуры мироздания (представлена перечислением) с различными аспектами повествования, сопряженными, в свою очередь, с числом.

*Укивакский ревнивец и его жена*²⁸

Старшина Укивака был ревнив. Летом, возвращаясь с охоты, он брал торбаса жены и шупал подошву: если она оказывалась сухая – муж добрый, а если сырой, то бил жену. Однажды, когда старшина отправился охотиться на льду, его жена решила уйти из дома. В тундру она не пошла, опасаясь, что ее там увидят, а отправилась в море по льду. Долго шла она, но, как выяснилось, почти не сдвинулась с места: все находится вблизи от подставок для байдар. Женщина подумала: «Неужели моя земля Укивак не велит мне в воде умирать, мешает в море уйти? Пока еще не увидели меня, поднимусь-ка я на гору Укивак». Поднявшись на гору, она заметила там плоский камень, отодвинула его и упала вместе с ним вниз. Оказалось, что это не камень, а кит. Встав, женщина пошла на свет огонька. Идет и думает: «Оказывается, внутри земли люди есть». В землянке, куда она попала, ступая по ребрам кита, висели по-

плавки каяков, гарпуны, каячные весла, рукавицы. На стенах с одной стороны висело мясо морских зверей – китовое, моржовое, лахтачье, а с другой – мясо тундровых зверей.

Внутри полога сидел молодой красивый мужчина, пригласивший ее войти и оставаться здесь. Когда на следующий день он собрался на охоту, то влез в каяк, вонзил в стену землянки гарпун, и когда в щель хлынула вода, отчалил в море. Мужчина вернулся из моря таким же образом – через стену землянки. На каячном ремне были нанизаны моржи, лахтаки, киты. Мужчина, помолчав, сказал, что ее муж «там, внизу» и хочет устроить праздник, что у него теперь две молодые жены. Он велел ей отправиться туда, заплести свою косу и выйти к гостям с двумя тазами еды: в один положить мясо дикого оленя, в другой – китовый жир с кожей, и мясо из землянки окажется в кладовых ее мужа. Мужчина велел ей приложить ухо к стене, и женщина услышала, как в Укиваке бьют в бубен, поют и танцуют; затем он уговорил свою гостью отправиться домой, в дом мужа.

Спустившись с горы, женщина отправилась к своей землянке и угостила собравшихся мясом. Когда муж увидел ее, он прогнал обеих молодых жен.

Как и повелел хозяин горно-подземного жилища, женщина на следующий день привела туда своего мужа. Там горел свет, посреди жилища лежали связанные в большой узел олени шкуры, пушнина, мясо. Содержимое землянки супруги вынесли наружу; оглянулись – нет в гору входа. Спустившись с горы, они поделились добром с односельчанами; каждой землянке достались: мясо дикого оленя, связка оленьих шкур, а также по пяти лис, бобров, голубых песцов и выдр. Муж уже не ругал жену, как прежде. Еще больше разбогател, стал удачливым охотником, даже китов приносил с охоты.

В повествовании в различной степени задействованы также сферы обитания героев (своего рода части мироздания, как бы объединяющего эти варианты экологической реальности): 1) «моя земля Укивак» – это и селение, где живет героиня, и примыкающая к нему гора; 2) тундра – о ней лишь упомянуто героиней, что она не пойдет туда умирать; 3) лед на море; 4) горно-подземный мир; 5) морской, подводный мир. Всего названо пять космических сфер. Интересно, что в финале мы встречаемся с рефреном пяти: столько видов дичи, мясом которой супруги наделяют односельчан, и столько же единиц разных пушных зверей получает от них каждая землянка.

Пятичастное мироздание определенным образом структурировано: «моя земля» напрямую связана с тундрой, ледяной коркой на море, а также с горно-подземным миром – иначе говоря, с еще двумя видами суши по горизонтали и с сушей, представляющей вертикаль (движение вверх по горе; движение вниз внутри горы). Вместе с тем, чтобы из «моей земли» достичь моря, подводного мира, надо миновать один из двух локусов или пересечь ледяную корку, что героине не удастся сделать или добраться до подземного жилища. В свою очередь, каждый из этих двух локусов опосредствует признак сухого/сырого.

Вся история, похоже, нацелена на то, чтобы представить эту пятичастную структуру мироздания. По сути, вся событийная канва сводится к тому, что снискать доброе отношение мужа жена может принеся ему в дар мясо и пушнину как сухопутных, так и морских зверей. При этом в повествовании неоднократно представлена оппозиция сухого/сырого: а) проверка обуви жены ревнивцем-мужем; б) тундра/море – в выборе героиней места, куда ей отправиться умирать; в) гора и подземная землянка/подводный мир за стенами этой землянки; г) мясо сухопутного зверя – оленя/китовый жир с кожей.

Рассмотрим, какова структура мироздания и каковы сопутствующие ей логико-семиотические признаки в другом повествовании азиатских эскимосов.

У мужчины – удачливого охотника на китов – было пять дочерей разного возраста, от младенца до взрослой. Однажды после успешной охоты на кита, когда жена охотника должна была провести обряд почитания убитого кита, она, как выяснилось, исчезла. Обряд совершила старшая дочь. Мужчина перестал ходить на охоту. долго искал жену в горах, но не нашел.

Когда он снова собрался в море на охоту, старшая дочь отправилась в тундру за съедобными кореньями, необходимыми для проведения обрядов по случаю убийства кита. Там ее схватил орел, взлетел с ней вверх и «на небо взобрался». На этот раз проводила обряд вторая дочь.

Вскоре у отца осталось только две дочери. Он с другими охотниками опять загарпунил кита, убив его, они причалили к берегу. И тут обнаружилось, что дочери исчезли.

Орел унес их на небо. Там у него в светлой яранге много оленины и китовой кожи с жиром, мяса нерпы. В отсутствие орла находившаяся там же лиса предупреждает девушек, что орел хочет высосать из них кровь и что он уже сделал это с их старшими сестрами: они едва живы. Кроме того, лисица наказала девушкам крутить нитки из жил. По совету лисы, когда орел вернулся, добыв новой оленины, они сказали ему, что станут толще, если он принесет им рыбы из дальней реки.

Когда орел улетел, лиса спустила их вниз на землю по сплетенной ими веревке. Орел отправился в погоню и почти настиг девушек. Тогда одна из них остановилась. провела мизинцем черту – образовалась огромная река. Орел сел на середине реки. расправил крылья и вода в реке стала подниматься, вот-вот затопит девушек. И тут другая сестра заморозила ее; орел, который по шею находился в воде, не смог вырваться из ледяного плена, и одна из сестер убила его ножом. Девушки вернулись в свое селение к отцу.

Позднее младшая из сестер начала скучать. Она вышла из дома, захватив плетеную веревку, бросила ее в тундру, «пошла, стала собирать» и оказалась у берлоги большого бурого медведя. Тот покормил ее и оставил у себя. На завтра они с медведем состязались в беге, и девушка победила. А на следующий день после этого они боролись: сначала девушка не могла устоять на ногах, но потом перестала падать. Медведь сказал тогда ей, что за бугорком есть еще много яранг, и девушка направилась туда.

Она вошла в одну из яранг, где жили брат с сестрой. Героиня стала женой хозяина яранги, и вскоре у нее один за другим родились два мальчика. Однажды в этом селении состязались в беге – героиня всех победила. Затем состязались в борьбе, и она также вышла победительницей.

Молодой женщине наскучил муж, и она ушла от него. Пожив в яранге своих родителей, опять соскучилась. Вышла, бросила плетеную веревку вверх и полезла по ней к северному сиянию. Там попала в ярангу, где жили брат с сестрой. И здесь хозяин дома женился на гостье. Вскоре она забеременела и родила мальчика, а позднее – еще одного мальчика. И в этом селении стали состязаться в беге и борьбе, и в обоих случаях победила героиня.

Снова молодка захотела отправиться к своим родителям; дети опять остались у мужа. Через некоторое время она задумала уйти от родителей и направилась в сторону моря. Дойдя до берега, пошла под воду. Добралась до яранги, где мужчины угостили ее навагой. От них отправилась дальше, за бугорок, и там, в большом селении. снова вышла замуж и осталась навсегда.

И в этом повествовании, как и в изложенном ранее, присутствуют пять частей мироздания. В каждой из них героиня попадает в семью: 1) селение ее родителей, где пять дочерей; 2) небо и дом орла, куда доставлены все пять девушек; 3) тундра, где живет бурый медведь и имеется селение; в одной из яранг, выйдя замуж и став матерью, героиня увеличивает число проживающих там до пяти человек; 4) сфера север-

ного сияния, где героиня таким же образом увеличивает семью до пяти человек; 5) море, подводный мир, где, в третий раз выйдя замуж, героиня остается навсегда. Как и в первом повествовании, в пятерку космических сфер входят селение героини, тундра, море и подводный мир. Отсутствуют две космические сферы, опосредствовавшие в первом повествовании, соответственно по горизонтали и вертикали: связь своей земли с морем (а именно лед на море и горно-подземный мир), зато появились две новые сферы по вертикали – небо и северное сияние. Связь своей земли с морским миром, в отличие от первого повествования, производится напрямую; таковы же и все прочие связи, радиальные, как из центра соединяющие свою землю с каждым из прочих миров.

И во втором повествовании присутствует, кроме пятичастности мироздания, количество 5: также в одном аспекте названное (пять сестер), а в другом – переданное перечислением (сестра и брат – хозяева, героиня-гостья и ее двое мальчиков). И в первом, и во втором повествовании, кроме того, имеется, хотя об этом и не сказано, количество 3: в первом столько сфер суши, легко достигаемых простым движением по горизонтали (кроме «моей земли» тундра и лед на море), а во втором – число браков героини.

В обоих повествованиях присутствуют в качестве значимых элементов сюжета: а) медиатор между мирами, определяемый в связи с вертикалью; в первом повествовании это гора, а во втором – плетеная веревка; б) лед как препятствие прямой связи между мирами; в первом повествовании героине никак не удается выбраться из полосы прибрежного льда, чтобы дойти до моря и утопиться, а во втором лед оказывается препятствием для орла, небесного жителя, пытающегося догнать земных девушек-беглянок.

Итак, и пятичастная структура мироздания, и в целом числовой код, сопрягающий 5 и 3 (три сферы кроме тундры и моря посещает героиня первого повествования; три брака последовательно совершает героиня второго повествования), и свойства медиаторов делают единой логико-семиотическую схему этих повествований. Единством логической схемы охватываются и прочие оставшиеся вне нашего рассмотрения значимые элементы – свойства героини. В первом повествовании – женщина, которая не должна выходить из дома, стремится только к тому, чтобы наладить отношения с мужем, и возвращается к нему; она не может достичь *моря*, где хотела бы найти свою смерть. Во втором – женщина, которая постоянно уходит из дома родителей и из дома мужа, победительница в состязаниях; ей надоедает жить и с первым, и со вторым мужем, она бросает обоих и в конце концов приходит туда, где обретает постоянное пристанище – в *море*, подводный мир.

Сопоставим теперь в свете значимых признаков эти два повествования азиатских эскимосов с мифом о Седне, записанным у гренландских эскимосов (известным и у других групп). Важнейшую роль в качестве иной, относительно своей земли, космической сферы во всех повествованиях играет *море*; ему придана коннотация смерти/жизни. Общим является также присутствие числового кода, сопрягающего 5 и 3. Кроме того, во всех трех повествованиях акцентировано именно одновременное присутствие числа 5: соответственно, по пять пальцев на руках у будущей Седны; наделение односельчан пятью лисицами, песцами, выдрами; пять сестер, похищенных орлом, успешно сбегают от него. Число 5 во всех повествованиях связано именно с морем: пальцы Седны (а поэтому вместе с ними и она) остаются в море, превратившись в морских животных, море – пятая по ходу повествования космическая сфера, с которой реально сталкивается жена укивакского ревнивца, когда в щель горно-подземной землянки заходит морская вода; море – пятая, последняя космическая сфера, где навсегда остается младшая, пятая из сестер.

Главное отличие в отношении числового кода, цементирующего повествовательную схему и акцентирующего посредством числа 5 роль в ней морской стихии, состоит в том, что в мифе о Седне этот код сопряжен с анатомическим аспектом, а в двух других текстах – с кодом, охватывающим структуру мироздания, состоящего из

автономных сфер. Именно исходя из главенствующей роли числового кода и вместе с тем его сходства во всех трех рассмотренных повествованиях, можно заключить, что в мифе о Седне этот код представлен в анатомическом субкоде, а в двух других – субкоде, описывающем мироздание.

Приведем примеры символической нагруженности констант 5 и 3 на уровне верований и ритуалов. У азиатских эскимосов после смерти женщины строго соблюдался траур в течение пяти дней (по мужчине – четырех дней)³⁰. У гренландских эскимосов, согласно зафиксированным традициям, души умершего должны были в течение пяти дней скользить по крутому склону, покрытому кровью, и по тому, как они это делали, определялось, идти ли им в нижний мир, где благоденствие, или страдать от голода и лишений в верхнем мире³¹.

У азиатских эскимосов считалось, что если встретились на охоте пять одинаковых зверей (пять диких оленей, пять волков и т.д.), то нельзя убивать их всех: «Из пяти зверей – один неприкосновенный, он принадлежит творцу – Кияг'ньк'у. Если убьешь всех зверей, то заплатишься жизнью своих родственников, вымрет твой род. Также нельзя убивать всех морских зверей. Если они находятся вместе по 5, то один из них должен быть оставлен, если даже не будет сам уходить»³². Число 5, соотносящее жизнь охотника и зверей, т.е. объект промысла, имеет не только охранительную коннотацию, связь с порядком в мироздании, но и прогностическую, связанную с анатомическим аспектом: «Если у добытого морского зверя на лапах шесть фаланг обнаружишь вместо пяти, то будешь удачливым охотником всю жизнь и потомки хорошо будут промыслять. Если же обнаружишь меньше пяти фаланг на лапах, то не будет тебе удачи в охоте никогда»³³.

У гренландских эскимосов Ф. Боасом зафиксированы запреты, предписания, связывающие успех в охоте с числом 3. Так, после того как убит нарвала, в течение трех дней нельзя трогать руками вереск, используемый для зимнего покрытия хижины. После того, как убит карibu, замужним женщинам нельзя работать в течение трех дней. После того, как убит кита, нарвала, белого кита или бородатого тюленя, на три дня следует прекратить обработку шкур карibu. При виде кита на него следует указывать третьим пальцем правой руки, а «дети должны связать свои ноги попарно, как бы создавая тем самым расу тех, у кого три конечности, и им следует отправиться в сторону суши, чтобы не быть в виду моря»³⁴.

Числа 5 и 3, хотя каждое из них порознь у различных групп эскимосов связано и с морской, и с сухопутной охотой, все же не синонимичны: первое из них означает объективно существующий порядок в мироздании, а второе – предписания относительно человеческой деятельности, которая соответствует этому порядку.

Пятичастная структура мироздания, формы соположения 5 и 3 (чукчи)

По данным В.Г. Богораза, в конце XIX – начале XX в. у приморских чукчей существовало верование о том, что на противоположном берегу моря внутри большой шарообразной горы живет племя великанов. Об одном из этих великанов по имени Моржовым-мясом-одетый рассказывали, будто «он пришел из-за моря в страну керков. Он был так тяжел, что везде оставлял следы своих ног и других частей тела, не касавшихся земли. Однажды он лег спать на открытом месте. Три человека увидели его и поймали, привязав канатами к кольям, вбитым в землю. Потом они убили его своими копьями. Его побелевшие кости до сих пор видны на Пекульнейских горах»³⁵. На чукотском рисунке, изображающем этого великана, убитого людьми³⁶, показаны пять канатов, охватывающих кругом руки, ноги и голову; каждый из них закреплен, по-видимому, тремя кольями, так как каждая из пяти линий, изображающих канаты, пресечена тремя параллельными чертами. Три человека ударяют распятого великана копьями в грудь, живот и пах. Троичность, похоже, подразумевается и здесь: у великана, в отличие от людей, показаны уши: голова с ушами как бы сопоставляется с другой оконечностью тела по осевой линии – изображением пениса с

зичками. Итак, пять однородных элементов, дополняемых в другом отношении тремя элементами, – эта формула представлена и в анатомии распятого великана, и в способе его обездвижения, убиения.

Если в эскимосском мифе о происхождении морской владычицы анатомический субкод задействует формулу «3 раза по 5» и возводит ее к строению пальцев руки, то в чукотском рисунке к мифу о заморском великане канаты и колья как бы иллюстрируют формулу «5 раз по 3». Эти числа здесь имеются и в анатомическом субкоде, но порознь; и в центре внимания не строение руки, а пять частей индивида (такое же пятичастное строение индивида описано и в повествовании азиатских эскимосов) и три важнейших, наиболее уязвимых частей тела.

Константа 5 присутствует и в обрядовых нормах чукчей. Согласно В.Г. Богоразу, в период проведения праздников по случаю убиения кита (а также медведя) голова животного лежит на почетном месте в течение пяти суток³⁷. Праздник, посвященный верховному морскому божеству Keretkun, длится до пяти суток, и каждые 5 лет он чередуется с праздником в честь его помощника³⁸. Покойника обычно выносят по 10 чел., а если мало народу, то 6 чел. (реже – 8)³⁹.

Константа 3 также встречается в обрядах. Во время осеннего праздника, когда совершается жертвоприношение головам зверей, возможны такие сочетания: голова моржа, пестрого тюленя и крылатой нерпы; голова моржа, дикого оленя и зайца⁴⁰. Чукчам известны три класса зловредных существ kelet: охотящиеся за человеческими телами и душами; каннибалы, живущие на отдаленном берегу; помощники шамана, прилетающие на его зов⁴¹.

Обратимся теперь к мифологическим повествованиям чукчей, чтобы установить, какое место занимает в них числовой код, с какими аспектами повествования он сцеплен, играют ли роль при этом субкод частей мироздания и анатомический субкод, аналогичный тому, что присутствует в эскимосском фольклоре и упомянутом выше чукотском рисунке, изображающем заморского великана.

Впервые о наличии чисел 5 и 10 в фольклоре чукчей и эскимосов и возможной обусловленности их пятипалостью человеческой руки (что всякий раз обнаруживается и учитывается при счете на пальцах) написал В.Г. Богораз⁴². Позднее, основываясь на собранных и опубликованных Богоразом записях чукотских сказочных и мифологических текстов, А.И. Никифоров отметил доминирование в чукотском повествовании «закона пятиричности»⁴³: количество 5 или кратное ему особенно часто встречается у оленных и у приморских чукчей, а именно в счете героев, последовательно решаемых ими задач, препятствий, состязаний, добываемых жен, происходящих встреч. Наряду с этим А.И. Никифоровым же отмечено, что нередко наблюдается и троекратность в действиях героев.

Многие из ситуаций присутствия числа 5 у эскимосов типичны и для чукотского фольклора – и в аспекте одновременного наличия сходных персонажей или однородных объектов, и в аспекте последовательности действий героя или возникающих обстоятельств. Формально это та же схема, но встречается она и со своеобразным наполнением, например: пять душ девушки-покойницы, умершей от того, что не захотела стать шаманкой⁴⁴; пять бубнов у шамана, отправляющегося в разные космические сферы, а затем едущего во вторую, третью и, наконец, пятую вселенную⁴⁵; пять шаманских напевов, получаемых героем⁴⁶; пять видов пищи, которой кормит морж свою жену-женщину: оленина, нерпятина, тюленина, китятина, моржатины⁴⁷; пятиголовый кэле (зловредный дух)⁴⁸. Совокупность всех этих черт имеет прямое касательство к теме взаимодействия с существами иных космических сфер, попадания туда героя, а значит, с подразумеваемой повествованием структурой мироздания.

Анатомический субкод редко, но также присутствует в чукотской мифологии: пятиголовость; последовательное отрубание двух рук и головы людоедки, т.е. трех важнейших частей тела противника. У чукчей не зафиксировано повествования, где, подобно эскимосскому мифу о Седне, формальная числовая модель, соотносящая

5 и 3, восходила бы к анатомии руки (числа 5 и 3 – в рисунке, изображающем распятого великана, и в тексте об отсечении частей тела людоедки подразумевают анатомию человеческого организма как целого). Вместе с тем присутствие в одном и том же повествовании чисел 5 и 3, иногда их противопоставление или чаще взаимодополняемость, весьма характерно для чукотского фольклора и встречается в разных сюжетах. Приведем примеры.

1. По условиям состязания сироты – мужа-человека белой медведицы и ее мужа-медведя выиграет тот, кто первым убьет пять нерп. Сирота убивает пять нерп, а у медведя к этому времени их только три. Позднее, готовясь к другому состязанию, сирота прячет под кухлянкой лук с тремя стрелами, что помогает ему в решающий момент одолеть противника⁴⁹.

2. Шаман отсутствует 3 года, за это время умирает его сын. Чтобы найти его душу (и вернуть сына к жизни), шаман добирается до пятой вселенной, где встречает шесть кэле и усыпляет их⁵⁰.

3. У героя, отправляющегося на поиски похищенной жены, есть пять пар обуви, но он велит сестре шить еще пять пар. Поплыв на льдине, он попадает на дальний берег, где находится утес, выдолбленный в виде дома, – там живут людоеды, один из которых и украл женщину. Хозяйка этого дома бросает в героя нож, однако попадает в его амулет деревянного человечка, которому отрубает правую руку. Этим же ножом герой отрубает и ей правую руку. Затем таким же образом отрубается левая рука у деревянного человечка и у людоедки; наконец герой отрубает ей голову (итого отрублено пять частей, в том числе три – героем, что ведет к успеху). Вместе с женой герой добирается на льдине до матерого льда, и по нему они попадают на землю, к себе домой. Там от сестры он узнает, что через два моря, на третьем острове живет пятиголовый кэле, и если герой его одолеет, то будет всех сильнее⁵¹.

4. У героя последовательно, появляются три жены из разных чукотских селений. Затем, находясь на морском берегу, он пинает ногой две китовые челюсти, из которых возникают две женщины. Теперь у него пять жен.

5. Герой – чесоточный, бедный «приморский сиротка» – отправляется на поиски невесты. От двух росомх, которых он встретил в «стране рассвета», получает совет: подняться по склону до верхней страны. Там он попадает в селение из 10 домов, где в одиноко стоящем жилище живут три девушки, одна из которых становится его женой.

Во всех этих примерах числа 5 и 3 как бы дополняют друг друга. Обращает на себя внимание почти неизменное присутствие – там, где есть оба эти числа – мотива движения в сторону иной космической сферы, одной или нескольких, обычно среди них есть и *морская стихия*.

Согласно В.Г. Богоразу, у чукчей в их представлениях о структуре мироздания имеется отчетливая числовая маркировка: миры – 5, 7 или 9 – расположены один над другим; наряду с землей (этой вселенной) существуют еще четыре «огромных мира»⁵².

Уже приводился пример из корпуса мифологических текстов, когда речь шла о пяти вселенных. К этому можно добавить и ситуацию, когда в структуре одной вселенной, причем в одном и том же повествовании, названы именно пять космических сфер: 1) «эта земля» («эта страна»); 2) «верхняя земля» («страна рассвета») или небо; 3) «подземная вселенная»; 4) «незамерзающая середина моря», где живут морские оборотни; 5) горный мир, где живет «горная хозяйка, владеющая горными ветрами»⁵³. Вместе с тем в других повествованиях можно встретить и трехчастную структуру мира: кроме земли, где живет сиротка и его дядя с пятью сыновьями, есть «нижняя земля», где пять сестер играют в мяч, а также «верхняя земля»⁵⁴; или, например, создание старухой-керек трех вселенных – в пологе, в шатре и снаружи⁵⁵.

Если в мифе о Седне *анатомический субкод* представлен обстоятельно, а структура мироздания – только возникновением моря в качестве космической сферы, то в ряде чукотских повествований, наоборот, присутствует *пяти- или трехчастная*

структура мироздания, а анатомический субкод, за исключением мифа о заморском великане, и редок, и в нем нет одновременного соположения 5 и 3.

Кроме того, как уже показано, присутствие чисел 5 и 3 в одном и том же повествовании весьма характерно для чукотской мифологии. Проследим, как в одном из записанных В.Г. Богоразом повествований, наиболее богатом числовыми маркерами в описании мироздания, происходит соположение 5 и 3 вплоть до операций с этими числами.

*Чесоточный шаман*⁵⁶

Великий шаман Мээмнгын, оленный человек, жил в срединной стране. У него было 8 жилищ, полных людьми, и 8 стад. Единственный сын шамана умер, и отец, обыскав все вселенные, не смог найти его душу, чтобы вернуть к жизни. Тело сына сгнило, ибо прошло уже 3 года.

Наконец Мээмнгын призвал двух работников и послал их к великому шаману – Чесоточному человеку, жившему «за пределами земли, где небо и земля сходятся», чтобы тот оживил сына. Сам выбрал для них четыре оленя, запряг их в сани, заговорил оленям уши и головы (тричность. – *А.О.*), и те полетели по воздуху.

У Чесоточного 100 домов, стоящих «у самой земли небесного рубежа». Все тело его покрыто паршой. Добравшись к нему, посланцы срединной земли обнаружили, что у Чесоточного не олени, а собачьи стада – здесь ездят на собаках и едят их мясо. Чесоточный шаман наговорил что-то оленям в глаза, уши, ноздри и рот (четыре органа): они побежали к собачьему стаду, задрав хвостики, как собаки, затем собаки и олени стали обнюхивать друг друга.

Около селения Чесоточного шамана находилась круглая гора; вместе с хозяином гости взошли на нее. Как только они там заснули, шаман сплел травяную веревку, узды и вожжи. Узды он надел на спящих, а вожжи взял в руки, и все вместе они понеслись по воздуху, как птицы. Опустились на той горе, что около шатра Мээмнгына.

Чесоточный стал расспрашивать Мээмнгына, где тот искал сына: а) искал ли вверху среди звезд; б) в глубине моря, где «живет множество крупных тварей – тюленей, моржей и лахтаков (три вида. – *А.О.*)»; а так же «множество средних тварей – белых, красных, серых рыб (три вида. – *А.О.*), нагих и одетых чешуей», и «множество мелких тварей – морских звезд, ракушек, червей, водяных клопов» (четыре вида; всего в море названо 10 видов); в) на поверхности земли, где бегают всякая дичь – дикие олени, лисицы, медведи, зайцы, волки (пять видов) и среди трав, побегов тальника, стволов лиственницы (три вида растений); в глубине земли, где красные черви.

Далее пошли расспросы о поисках в других, нижних вселенных: а) во вселенной, находящейся под землей: «у нее есть свое небо, свои звезды, свое солнце и месяц, и свое море» (пять объектов); б) в еще ниже расположенной третьей вселенной, у которой «тоже свое небо и свои звезды, свое море и свои солнце и месяц» (пять объектов).

Затем Чесоточный шаман расспрашивал о поиске в верхних вселенных: а) во вселенной, находящейся над изнанкой неба: там «новые звезды, новая твердь, новое море» (три сферы, по вертикали); б) в расположенной еще выше третьей вселенной: «тоже с морем и звездами, и солнцем». Чесоточный говорил, что в надземной и подземной вселенных жизнь одинакова – есть и рыбы в море, и дичь на поле, и птицы в воздухе (три вида дичи). Кроме того, он сказал, что еще выше имеется небольшая, лежащая особняком вселенная, – она принадлежит Птичьей женщине, укравшей сына шамана.

Чесоточный загремел бубном и ушел с ним внутрь земли. Выйдя из нее, он миновал три вселенных и достиг вселенной Птичьей женщины. Там в железном шатре, за железным пологом виднелась душа мальчика, связанная железными ремнями. Каждое утро Птичья женщина спрашивала мальчика, чем он питался на своей земле, на

что тот отвечал: «олениной, морским мясом, тюленьим жиром, моржовым салом. боками дикого оленя» (пять видов пищи). Она улетала за три вселенных и приносила мяса, откармливая пленника, чтобы потом съесть его. У дверей железного шатра были привязаны два сторожа-чудища с медвежьими лапами и огромными ушами. улавливавшими малейший шорох (три части тела маркированы).

Для того чтобы попасть в шатер незамеченным, Чесоточный последовательно обращившись комаром, оводом, белоголовым жучком, бабочкой и, наконец, мясной мухой (пять превращений – пять видов насекомых), и только так ему удалось вползти в шатер.

Чесоточный шаман развязал мальчика и превратил его в мясную муху. От вселенной Птичьей женщины до этого мира – три вселенных; в третьей вселенной она догнала их, но Чесоточному удалось победить ее.

Чесоточный шаман спустился с неба, вошел внутрь земли, затем вышел оттуда, оказавшись сразу среди полога. Созвал своих духов, дал им поддержать душу мальчика. Посмотрел на сгнившее тело мальчика и проглотил его, а потом выплюнул. То же он проделал во второй и третий раз. Затем, потребовав душу мальчика, проглотил ее и после этого харкнул на тело. Опять проглотив тело (всего пять проглатываний), харкнул и бросил в него душу: парень сел на оленьей шкуре.

В качестве платы Чесоточный назвал оленье стадо. Отец мальчика сказал, что у него есть 15 стад, и так их описал: «...одно с белыми ногами, другое с белыми передними копытами, третье с белыми задними копытами, четвертое в белых передних чулках, пятое – в белых задних чулках (группа из пяти стад. – *А.О.*). Есть одно стадо белое, другое стадо прекрасно-черное, третье стадо сивое, четвертое стадо серое, пятое стадо пестрое (другая группа из пяти стад. – *А.О.*). Есть одно стадо темно-серое, есть другое сиво-пестрое, есть третье стадо сиво-пятнистое, четвертое – серо-пятнистое, пятое – пятнисто-пестрое». Чесоточный выбрал пятнисто-пестрое (15-е из перечисленных), самое многочисленное. Это стадо пять дней шло мимо шатра, а когда оно встало вокруг него, то простерлось на три дня пути в глубину. Чесоточный сказал, что сделал мальчика шаманом – большим, чем он сам, и ушел под звуки своего бубна.

Изложение незамысловатого сюжета настолько насыщено количественными показателями (названными в тексте или переданными перечислением однородных объектов), что, похоже, главное сообщение мифа как раз и состоит в экспликации числового кода, увязанного со структурой мироздания. Разрушение вселенной, как бы стоящей особняком (подразумеваемое победой над Птичьей женщиной), обеспечивает пятичастное строение по вертикали, где посредине – «эта земля», или «эта вселенная». Если же отсчитывать, начиная от нее, вверх или вниз, то по каждому из направлений будет по три вселенных. Эти две константы – 5 и 3, таким образом, предстают в повествовании на одной и той же шкале в качестве двух альтернативных (но не взаимоисключающих!) способов описания мироздания. Интересно, что эта парадигма двоякости описания применима и к отдельно взятой вселенной.

Сопоставим два мифа – эскимосский и чукотский, по этиологическому сообщению и числовому коду. В обоих присутствуют не только порознь 5 и 3, но и общее количество 15.

В обоих случаях упорядочение структуры мироздания осуществляется одновременно с обретением персонажем этого мира (суша; «эта земля») космических функций. В обоих случаях окончательное действие, определяющее превращения персонажа в охранителя порядка в мироздании, описывается одной и той же числовой формулой. В мифе о Седне эта формула не названа и передана фактическим действием, а в мифе о Чесоточном шамане число 15 названо, число 5 трижды представлено перечислением, само же действие имеет ментальный характер. Различению фактического/ментального характера действия, выступающего ключевым для превращения персонажа, соответствует различие в типе этого превращения в том и другом случае: зримое упорядочение сфер мироздания/психоментальное освоение его великим шаманом.

Миф	Аспект мифа			
	Тип структуры мироздания	Маркированные числом объекты и действия в повествовании	Числовая формула и сопутствующее действие	Этиологический результат
Миф о Седне	Двухчастная: суша/море	Руки девушки	Обруbanie в три приема всех фаланг пальцев ($5 \times 3 = 15$)	Превращение девушки в Седну, морскую владычицу
Миф о Чесоточном шамане	Двухчастная: земля/небо; трехчастная: земля, небо, море; пятичастная: "эта земля", две вселенные вверх и две вселенные вниз	Последовательные действия шамана. Мысленное проследование классификации оленьих стад	В каждой из трех групп по 5 видов ($15 = 5 \times 3$)	Превращение мальчика в великого шамана

Вряд ли из того, что в обоих мифах задействована одинаковая числовая формула, можно сделать вывод об одинаковой значимости или же о сходном характере анатомического субкода. Если в эскимосском мифе он опирается на естественную, наглядную схему – строение пальцев руки, то в чукотском мифе такой схемы нет, присутствует только стремление объять обе константы, а именно 5 и 3, многократно соотносимые повествованием, причем даже по одной шкале, одним числом.

В качестве такового в конце повествования выступает 15, а в начале повествования, как теперь можно понять, число 8 (80 жилищ, 8 стад у шамана, отца умершего мальчика). Заметим, что в повествовании никак не поясняется, отчего произошло изменение в указываемом количестве оленьих стад: сначала говорится, что их 8, а затем 15. По-видимому, 8 и 15 в каком-то отношении эквивалентны; и то, и другое – способ объять одним числом две константы, соотносимые в средней части повествования. Вместе с тем они как бы маркируют два противоположных состояния персонажа: 1) сложение 5 и 3 (число 8) соответствует умиранию – обездвижению, гниению тела и пленению души, оказавшейся за пределами пятичастной структуры мироздания; 2) умножение 5 и 3 (число 15) соответствует оживлению тела, обретению души мальчиком, ставшим великим шаманом, способности к передвижению в упорядоченном пятичастном мироздании.

Кроме этих констант, числовой код чукотского мифа задействует также числа 2 и 4: два работника Мээмгына отправлены на четырех оленях; дом Птичьей женщины охраняют два чудища. Эти числа представлены и в других ситуациях, но неявно: собаки уподоблены оленям, а заговоренные олени ведут себя подобно собакам; те и другие – ездовые животные. Наконец, когда двух работников Чесоточный шаман запрягает, подобно оленям (или собакам), то он как бы делает их из двуногих четвероногими. Вместе с тем сказано, что они летят, как птицы, следовательно, используя только по две конечности. Во всех этих ситуациях числа 2, 4 и подразумеваемая формула означают средство, способ передвижения.

В мифологии еще одного палеоазиатского народа, образ жизни которого тесно связан с водной стихией, – нивхов также встречаются и связь числового кода со структурой мироздания, и такие ключевые константы, как 5 и 3, и формула $2 \rightarrow 4$ (или $4 \rightarrow 2$).

Формула $2 \rightarrow 4$, противоположение 5/3 и сезонные модели мироздания (нивхи)

В корпусе мифологических текстов нивхов сообразно тому, в какой степени конкретное повествование задействует космические сферы, выделяются три группы: 1) в сюжете представлена двухчастная космологическая схема – взаимодействие нивха, «нашего человека», и обитателей горной тайги, моря или неба; 2) трехчастная схема – взаимодействие нивхов с обитателями и горной тайги, и моря, т.е. обоих промысло-

вых локусов; 3) многочастная (обычно четырех- или пятичастная) схема мироздания – кроме земли нивхов и обоих промысловых локусов, тайги и моря, задействовано небо, а иногда еще и подземная сфера. Проведенное нами ранее исследование⁵⁷ выявило, что каждая из этих трех групп мифов обладает специфической совокупностью логико-семиотических признаков (отчасти воспроизводимой в композиции соответствующей группы лечебных амулетов *чнгай* – «изображение», что подтверждает ее зрительно в плане той же мифологической традиции). Маркирование числом, числовой формулой наиболее характерно для повествований третьей группы, где в основе передвижений героя – многочастное мироздание. Роль числа проявляется и в некоторых повествованиях первой группы: для мифов о взаимодействиях с горными (таежными)⁵⁸ людьми характерна константа 3, подтверждаемая на плане ритуала⁵⁹. а с морскими людьми – константы 5 или 6. Начнем с выявления числовых формул, затрагивающих четные числа 2 и 4 (что характерно, как показано выше, в какой-то степени и для чукчей), весьма значимых для логической структуры повествований, разворачивающихся в рамках многочастного мироздания.

*Две синицы*⁶⁰

Первоначально две синицы – младший и старший братья – жили под кочкой. Были два солнца и две луны, зимой – холодно, живые существа умирали от холода, а летом – жарко, умирали от жары.

В поисках пищи младший брат, идя вверх по реке, пришел к подножию толстой лиственницы, поднимавшейся «до самого неба»: здесь в болотце была сладкая приятная пища. На другой день братья отправились туда вместе. Поев, они заметили, что с неба спускаются две птички – золотая и серебряная – небесные люди и одновременно хозяева этой лиственницы и возвращенной там пищи. Поскольку братьям-синицам нечем было заплатить за еду, им пришлось согласиться на состязание с небесными птицами.

Небесные птички полетели вверх, а за ними – братья-синицы. Вскоре серебряная птичка упала, а за ней упал и старший брат. Золотая птичка и младший брат-синица поднялись на «сверху-находящееся-небо». Синица ударила крыльями золотую птичку и ощутила только кожу: та птичка уже обратилась в большую медведицу. Синица тогда обратилась в медведя и пошла за этой самкой. У воды произошли аналогичные превращения: в тюленей, а затем в рыбу-голец – самку и самца. По выходе из воды они, наконец, предстали уже женщиной и синицей мужчиной. Брат-синица предложил небесной женщине выйти за него замуж. Отец золотой птички в качестве условия брака потребовал, чтобы нивх (синица) убил одно солнце и одну луну.

Придя к морю, герой увидел там дом, стоявший прямо в воде. У берега появилась большая треска и отвезла его в этот дом. По совету старика-хозяина нивх срубил одну из двух растущих рядом лиственниц, порубил ее на дрова и разжег костер. Когда вода в котле закипела, старик подцепил нивха железной лопатой и бросил в котел. Вода вся выкипела; старик соскреб следы, завернул их в белый шелк и стал бросать: после третьего раза возник железный человек.

Старик отправил преображенного нивха убивать солнце и луну; вызвал для него летающую лошадь и дал ему лук с тремя стрелами. Герой убил одно солнце и вернулся к старику. Готовясь к убийству луны, повторили ту же операцию: герой срубил вторую лиственницу, разложил костер и т.д.

Старик потребовал, чтобы герой заплатил ему за пользование лошастью. Идя в гору, нивх встретил торчащую из-под земли палку с суками-отростками. Из-под земли вышла молодая женщина и сказала, что если нивх хочет, чтобы она ушла с ним, пусть обмотает цепью эту суковатую палку – рога ее матери. После того как это было сделано, стало совсем темно. Молодая женщина рассказала нивху, как можно воскресить одно солнце и одну луну, чтобы не было так темно. По ее совету он отправился к лиственнице, на которой была дверь, а внутри находились два изображе-

ния солнца и луны. Два из этих изображений (одно солнце и одну луну) следовало бросить к небу и два закопать в землю, что и сделал. После этого нивх отвез молодую женщину к старику в качестве платы за лошадь.

Вернувшись, нивх сообщил отцу золотой птички, что выполнил его условия: убил одно солнце и одну луну, после чего нивх взял его дочь в жены и отвез в свою деревню, где уже жили вместе его старший брат с серебряной птичкой. Все те люди «в богатстве померли». С тех пор все рождавшееся жило.

В повествовании главной координатой, определяющей степень упорядоченности мироздания, выступает признак сухое/сырое. Этиология этого баланса увязана с преодолением множественности светил – должно стать не по два, а по одному солнцу и луне (т.е. формула преобразования предстает как $4 \rightarrow 2$). Задействованы все пять частей мироздания – «эта земля», где находится «своя деревня», небо, тайга (представлена медведями), водная стихия (представлена тюленями и рыбой), подземная сфера; при этом сохраняется парадигма вертикали, соединяющей землю и небо, что символизирует лиственница, растущая до самого неба.

Числовой код здесь и охватывает уже встречавшиеся нам константы: 5 (последовательность пяти обликов при переходе героев от земли к небу); 3 (после третьего броска из нивха возникает железный человек; ему даются три стрелы) и использует числовую формулу $4 \rightarrow 2$. Эта модель присутствует не только в астрономическом аспекте, но и в матримониальном – переход от четырех персонажей вначале к двум брачным парам в конце. Отметим, что формула $4 \rightarrow 2$ может, вероятно, осмысляться носителями культуры и как $2 \rightarrow 1$: не два, а одно солнце; не две, а одна луна. Это важно подчеркнуть, так как присутствие этих двух светил напрямую соотносено с двумя сезонами года, избыток солнц предопределяет летний жар, а избыток лун – зимний холод. Формула $2 \rightarrow 1$, по-видимому, воспроизводится еще и автономно: одна из двух птичек, одна из двух пар выбывают из состязания; герой срубает одну из двух лиственниц; убивает на небе одно из двух солнц и одну из двух лун; позднее он бросает на небо только по одному из двух находящихся внутри лиственниц светил.

Формула $4 \rightarrow 2$ (и сопутствующая ей $2 \rightarrow 1$) в мифологии нивхов обнаруживается не только в связи со светилами – символами структуры мироздания, но и в анатомическом субкоде. Так, в одном из мифов, записанных Е.А. Крейновичем⁶¹, нерпа, пойманная нивхом, на берегу превращается в женщину, которая «взявшись за руки, поднялась с берега». Через 4 года, когда в море умерла ее мать, эта женщина-нерпа уплыла. Желая вернуть жену, нивх, привязав восьмисаженной веревкой к шести чирка, заставляет его выпить все море. На следующее утро «взошли, взявшись за руки, два солнца». Издалека, с моря, опираясь на две палки, приблизился человек в одежде из нерпичьих шкур и, упрекнув героя, что теперь морские люди гибнут, сказал, что «нехорошо из-за одной женщины ломать вселенную». По его совету герой принес назад чирка, тот долго рвал, и море вновь наполнилось. На другое утро, как всегда, взошло одно солнце, и к нивху вернулась его жена.

В момент превращения в женщину нерпа соединяет две конечности, иначе говоря, повествователем актуализируется формула убавления числа вдвое (верхних) конечностей. Кроме того, по земле она будет передвигаться на двух, а не на четырех конечностях. Задействованы формулы $2 \rightarrow 1$ и $4 \rightarrow 2$. Пока открыт путь для возвращения в море и обратного превращения (формула $2 \rightarrow 4$), в мироздании нет дисбаланса. Но он возникает, как только уничтожена морская стихия. Это утверждается и в астрономическом плане (два солнца вместо одного), и в анатомическом: у светил, которые «взялись за руки», их теперь, по-видимому, не четыре, а две; морской человек может передвигаться только опираясь на две палки, нуждается в четырех конечностях, а двух он фактически лишен.

Итак, убавление вдвое числа конечностей персонажа маркирует в динамике повествования разрушение мироздания. Этот же способ маркирования возможной гибели вселенной – уже не только из-за осушения моря, но и из-за конфликта между зем-

ным и небесным человеком – обнаруживается еще в одном нивхском мифе, записанном Б.О. Пилсудским.

*Нивх и небесный человек*⁶²

Герои повествования – брат и сестра, родители которых умерли вскоре после их рождения. Однажды брат решил, что надо отправиться на поиски «костей своих отца и матери», ибо, если этого не сделать, можно сойти с ума. Он встречает горного хозяина, одетого в восемь медных одежд; потом тот превратился в медведя белого цвета, одетого в восемь составленных крыльев. Вскоре налетел вихрь, и герой, ухватив медведя за хвост, выпрыгнул за ним через дымоход. Они полетели за пять белых земель, за пять морей к озеру с водой жемчужного цвета, над которым должен находиться небесный золотой *суг ньо* (летающий амбар).

Медведь сказал герою, что они, перелетев уже пять земель, приближаются к этому амбару. В нем находится женщина, от взгляда которой люди слепнут, а от звука ее серег, подобного удару железа о камень, пьянеют. И он посоветовал: когда эта женщина выйдет, попросить ее «от солнца отщипнуть», чтобы вылечить ослепших родителей героя.

Хозяйка (она же – дочь морского хозяина) пригласила нивха зайти к ней в амбар. Там он увидел какого-то человека в одежде из железной звериной шкуры и в обуви из железной кожи. Началось сражение этого «небесного человека» с героем. От брошенной небесным человеком трехзубой сабли тело нивха разделилось на три части: верхнюю, живую и две нижние половины. Ухватив эту саблю, нивх бросил ее в небесного человека, и она разрубила его на такие же три части. Дочь морского хозяина возмутилась, что они воюют: «Немыслимо, чтобы в один и тот же день родившиеся люди поссорились и стали сражаться». В ответ на этот упрек нивх предложил небесному человеку выйти вместе из амбара. Тот согласился, сказав, что они могут вместе «перевернуть морскую рыбу, зверя», осушить море, а затем опять его наполнить.

Поскольку ног у них уже не было, то, соединившись, они вышли на руках. Искупавшись в озере, они надели железные крылья. Прогрохотал гром, и они полетели в сторону неба. Летели три дня. Там произошло сражение: небесный человек взобрался на медного человека и «с корнем вырвал» его, нивх то же самое сделал со своим противником – железным человеком. В результате сражения и у небесного человека, и у нивха осталось уже по одной руке. Поднялись в их сторону еще два солнца. И нивх, и пришедшая к нему сестра оказались в кипящем озере.

Текст мифа поражает особым вниманием к фиксации количеств. Так, человек, составленный из верхних частей тел нивха и небесного человека, назван в нарративе *ненхун*; здесь первая часть слова означает числительное «один», применяемое к людям, а *-хун* – суффикс множественного числа. С этим совокупным человеком связываются следующие формулы: $4 \rightarrow 2$ (изменение в числе конечностей у каждого из двух персонажей), затем $(2 + 2) \rightarrow 4$ – создание *ненхун* и наконец $4 \rightarrow 2$ и $2 \rightarrow 1$ (остается по одной руке). Последнему событию и формуле $4 \rightarrow 2$ и здесь соответствует восхождение двух солнц, как и в мифе, изложенном выше.

Посредническую роль между землей и небом, представленными своими обитателями, и здесь играет представитель морской стихии, связанный с небом: дочь морского хозяина, живущая в летающем амбаре. Аргумент, приводимый ею в обоснование необходимости мира между нивхом и небесным человеком, – «люди, родившиеся в один и тот же день», – подразумевает, полагаем, целостную структуру мироздания, базовые сферы которой, по данному мифу, – земля нивхов, небо и опосредствующая их связь морская стихия.

Этот миф подобен мифу о двух солнцах, «взявших за руки», не только тематикой разрушения мироздания, баланс в котором базируется на взаимодействии трех миров, но и брачно-родственными связями: пара родственников (супругов), расплав-

шаяся в начале повествования, вновь воссоздается в конце. В обоих мифах разлука обусловлена движением одного из членов пары к умершим родителям. Можно заключить, что в обоих мифах решается одна и та же проблема устойчивости, баланса структуры мироздания, определяемого соотношением тех же миров, и решается с использованием сходного числового кода. В последнем мифе представлен также и горный мир, маркированный удвоенным числом 4 (8 одежд, 8 крыльев).

Неоднократно упоминаются в мифе также числа 5 и 3. Константа 3, кроме того, что участвует, как и 5, в описании мироздания, задействована неожиданным образом в анатомическом субкоде: рассечение трехзубой саблей тела нивха, а затем и небесного человека на три части предваряет в анатомическом субкоде проявление формул $4 \rightarrow 2$ и $2 \rightarrow 1$ (образование одного человека из двух, позднее вторичное лишение каждого из них одной руки). Анатомический субкод коррелируется со структурой мироздания, но не в аспекте количества его сфер, а в аспекте роли моря, без которого невозможно упорядоченность.

Своеобразие функционирования числовых констант 5 и 3 у нивхов, в отличие от рассмотренных выше этнокультурных традиций, состоит в том, что эти константы довольно часто маркируют количество персонажей с использованием противоположения: 3 (и кратные ему) / 5 (и кратные ему). В большей части 42 мифоэпических текстов, опубликованных Л.Я. Штернбергом⁶³, речь идет об отвоевывании нивхами пространства для жизни, промысла от зловредных существ – антропоморфных людоедов, а также «людей» горной тайги, моря, небесной и подземной космических сфер. Как показывает анализ текстов, нивхов – героев повествования – вначале нередко бывает трое (иногда шестеро), а число их противников указано как равное 10. Интересно, что число 10 нередко передается путем перечисления, причем, по-разному, например: 1) «старик один, старуха одна, молодая женщина одна, двое юношей, две молодые женщины и рабов трое» («Материалы...». № 5), или 2) старик, старуха и восемь юношей (Там же. № 7), или 3) старик, старуха, трое рабов, две молодые женщины и трое юношей (Там же. № 11), или 4) десять юношей (Там же. № 8).

Всего встречается 10 ситуаций (в 8 из 42 текстов), где число оппонентов равно 10 или кратно ему – 100, 500. Если же в редких случаях количество оппонентов героя составляет 3 или кратно этому числу, то сражения, как правило, не происходит. Например, герой попадает в дом, где находятся один старик и восемь юношей, которые встречают его дружелюбно; в том же повествовании трое противников убегают от героя («Материалы...». № 8).

Лишь в немногих случаях число 5 употреблено применительно к героям повествования, но там всюду речь идет не о нивхах, а о представителях иных этносов: ороках, тунгусах (последний случай – «Гиляцкая сказка», записанная Л.Я. Штернбергом⁶⁴). Отметим, что в вариантах с тем же сюжетом, где в качестве героев выступают нивхи, число их составляет 3 или 6. В целом приведенные наблюдения свидетельствуют о противоположении чисел: с одной стороны, 3 (или 6, 9) и, с другой – 5, 10 (и кратных им). Кратные числу 3 маркируют «наших людей» – выражение нивхских повествований; кратные 5 или 10 – чужих, главным образом, противников, которых «наш человек» истребляет.

О возможности более широкого смыслового контекста сопряженности рассматриваемых количеств, не только взаимоисключения, свидетельствует повествование о происхождении нивхских родов, записанное Л.Я. Штернбергом. Этиологическое сообщение истории о столкновении нивхов с гольдами из-за женщины сводится к тому, что от брака двух уцелевших нивхов, близнеца и старухи, родилось 10 чел., от которых пошли шесть нивхских родов⁶⁵. В данном случае число, кратное трем, представлено не как маркер субъекта, уничтожающего тех, кто обозначен числом 10, а как иной вариант в трактовке совокупности.

Противоположение 3–5, присутствующее в мифологических текстах, обнаруживается также в сезонных ритуалах нивхов, в тесной связи с такой сквозной для менталитета нивхов координатой, как сухое/сырое (~ суша/вода, огонь/вода)⁶⁶. Эта ко-

ордината, несомненно, присутствует и в осеннем, а также в весеннем ритуалах жертвоприношения водной стихии, проявляясь уже в том, что сезонной границей для проведения этих ритуалов выступает природное изменение в балансе суши/воды, сопровождающееся возможностью/невозможностью судоходства или, соответственно, передвижения по льду на собачьих упряжках. Кроме того, осеннему ритуалу у нивхов могло сопутствовать возжигание огня; по данным Штернберга, они бросали через прорубь в сторону моря зажженное грутом дерево.

Во время осеннего кормления «воды» нивхи устанавливали у обрыва льда в море 30 изображений – *чнгай* (15 мужских и 15 женских), вырезанных на тальниковых прутьях; эти прутья, обмазав жертвенным студнем, могли потом бросать в море⁶⁷. Во время осеннего кормления, по данным Е.А. Крейновича, такие же прутья, но без фиксации их количества, называемые «сторожащее изображение», могли устанавливать после жертвоприношения на берегу с тем, чтобы, когда весной начнется морской промысел, охотник имел бы заслон изо льда и мог незаметно подкрасться к тюленю⁶⁸. В обоих ритуалах тальниковые прутья наряду с жертвоприношением – главный медиаторный компонент ритуальной коммуникации.

В осенних межсезонных ритуалах фиксировалось иное число – 3: именно такое количество свежеприготовленных листовничных жердей приставлялось к родовому дереву *че д(з)иhr* (букв. «сухое дерево») в ритуале кормления хозяина тайги и хозяина неба. По данным Ч.М. Таксами, этот ритуал мог проводиться на следующий день после кормления у проруби хозяина воды⁶⁹.

Отметим, что числительное «пятнадцать» в нивхском языке означает буквально «десять пять». «Десять» (*мхокр*) в свою очередь этимологизируется лингвистами как «два пять»⁷⁰. Таким образом, при смене сезона от зимы к лету в числовом коде, используемом мифологическим мышлением, происходит замещение: 3 → 5 (кратное 5).

Чему же соответствуют числа 3 и 5, претендующие, по-видимому, не только на один из полюсов признака свои/чужие, но и на определенную версию мироздания как целого? В космогонических повествованиях нивхов, где речь идет о преодолении множественности солнц, мироздание в полной своей совокупности имеет пятичастный состав – пять космических сфер, включая землю нивхов. Наступление зимнего периода фактически упрощает пятичастное мироздание до трехчастного: суша благодаря ледяной корке расширяется, покрывая водное пространство, которое для нивхов как бы сужается до проруби. На особый семиотический статус проруби в мифологическом мышлении указывает и тот факт, что во время медвежьего праздника, в последний день вождения медведя накануне дня убийства, его выводили на реку к проруби (амурские нивхи; материалы Л.И. Шренка⁷¹). Иначе говоря, категория суши в зимний период охватывает горную тайгу, землю нивхов и лед на воде, «вода» относительно суши – подобно подземной сфере – оказывается строго на одной вертикали с небесным миром. Три листовничные жерди (а нивхи ассоциировали себя именно с этим деревом, считая, что произошли от него), приставляемые к родовому дереву *че д(з)иhr*, у которого совершалось жертвоприношение тайге и небу, в числовом коде символизировали, полагаем, трехчастный вариант модели мироздания – в виде геометрического образа вертикали, соединяющей три космические сферы.

В отсутствие ледяной поверхности освобожденная водная стихия опять противопоставит и таежной сфере, и земле нивхов. Мироздание вновь становится пятичастным. исчезает какой-либо единый геометрический образ: ни родовое дерево (в ритуале), ни листовница, растущая до неба (в мифе), не затрагивают прямо, не символизируют водную стихию. Итак, ритуалы осеннего и весеннего кормления «воды», приуроченные к установлению/разрушению ледяной поверхности, знаменуют не только сезонную вариативность в доминировании охоты/рыболовства, но и *вариативность трех-/пятичастной* модели мироздания. Благодаря использованию числового кода мифологическое мышление утверждает не только идею альтернативности сезонов, но также идею сезонной вариативности самого образа мироздания как целого.

Сопряженность космологического и анатомического субкодов в числовом мета-языке – с уверенностью это можно заключить для числа 5 – указывает, полагаем, на глубинную семантику этих аспектов мифологических повествований у всех трех народов, точнее, на аналогию, присутствующую в ментальности носителей традиции. Через число, числовой формулой выражена аналогия между строением человека и строением мира. Важнейшую роль здесь играет пятипалая человеческая рука, а у нивхов – и пятипалая медвежья лапа (взаимопереходы, замещения руки, стопы медвежьей лапой встречаются и в мифологических повествованиях, и в композиции амулетов).

5 и 3 на фоне четверичности (тлинкиты, квакиутли, хайда)

У тлинкитов, как и у других народов побережья Северной Америки, о которых пойдет речь, в ритуальной практике и мифологических текстах преобладает число 4. Согласно И.Е. Вениаминову, проводившему свои наблюдения в 1820–1830-е годы в российских владениях в Америке, «во всех таинственных действиях колош встречается число *четыре*; так, при действиях, направленных против колдовства, колдун поворачивается по солнцу 4 раза, а затем, зайдя в море, проделывает это опять 4 раза»⁷². Исследователь зафиксировал и одну из мотивировок четверичности: самое большое число дырочек, проделываемых в ушах, может быть 8 (по 4) – «по числу главных костей ручных и ножных»⁷³.

Центральная тема мифологических повествований тлинкитов – деяния верховного существа Эля. Изложим версию, опубликованную А. Краузе, который опирался на собрания первой трети XIX в. И.Е. Вениаминова и Ф. Лютке, а также на собственные материалы 1880-х годов.

В начале времен жил могущественный вождь. У него была жена, которую он очень ревновал. Имел он и сестру, 10 сыновей которой убил одного за другим, чтобы они не наследовали его вдову. В отчаянии сестра вождя уходит в чашу, чтобы покончить с собой. Там она встречает старика, советующего ей отправиться на берег и при отливе найти круглую гальку, раскалить ее на костре и проглотить. Женщина так и сделала и вскоре забеременела. У нее родился сын Ворон. (По версии И.Е. Вениаминова, она проглотила камешек со дна моря, данный ей касатками, беременность длилась восемь месяцев.)

Когда Ворон (Эль) подрос, мать сделала ему лук и стрелы, и он стал успешным охотником. Из шкур дичи она шила одеяла. Однажды вождь, узнавший о своей сестре и племяннике, позвал их в гости. Мать пыталась отговорить сына от посещения вождя, рассказав, что он убил 10 ее сыновей; но Ворон все же решил навестить дядю. Он взял с собой два одеяла (из лисы и куницы) и передник из карибу; мать последовала за ним.

Ворон влюбился в жену дяди, и тот предпринял ряд попыток расправиться с племянником, но безуспешно. Наконец вождь заявляет, что ему хочется поесть кальмара (10-щупальцевое головоногое. – А.О.). Отправляясь за кальмаром, Ворон тайком проносит под одеялом маленькое каноэ. И когда дядя вытаскивает племянника за борт, тот спасается. Вернувшись с моря, Ворон бросает к ногам дяди кальмара. Это морское животное стало пухнуть, разрастаться, пока не заполнило собой весь дом. Тогда же начался потоп и все человечество погибло.

Ворон надел свою птичью шкуру, другую дал матери, и они поднялись в воздух. Ворон взлетел так высоко, что его клюв врезался в небо; и он так провисел 10 дней, вода в это время подступила к его ступням. Затем вода спала, и Ворон смог вернуться на землю. Он упал прямо на кучу водорослей. (По версии И.Е. Вениаминова, герой упал в море, там, где заходит солнце, на морскую капусту; оттуда его перевез морской бобр.)

В обеих версиях – И.Е. Вениаминова и А. Краузе – присутствует четверичность: в первой из них – в количестве птичек (8 или 4) жены вождя, количестве месяцев бе-

ременности (восемь) матери Эля; во второй версии – в количестве попыток дяди избавиться от племянника; и в обеих версиях – в количестве персонажей во второй. главной части повествования – вождь с женой и его сестра с сыном.

Неявно, но встречается число 3 – отправляясь к дяде, Ворон берет с собой два одеяла и передник. Эксплицитно присутствует число 10 – столько убито племянников, столько щупальцев у кальмара, столько же дней висит Ворон на небе, пока не спадает вода. Выбор повествователем именно этого, 10-щупальцевого (аналог 10 конечностей) головоногого, конечно, не случаен, он служит способом выделить число 10, которое таким образом оказывается представленным в анатомическом субкоде.

Обратим внимание, какие космические сферы задействованы в повествовании. Их всего 5: селение вождя, лес, берег (там поселяется сестра вождя и рождается Эль), море, небо. Итак, если подразумевается связь 10 ~ 5, тогда число 5 представлено и в анатомическом аспекте и в описании структуры мироздания. Отметим, что число 5 встречается в ритуальных нормах тлинкитов: а) похороны шамана производились на пятый день; б) в периоды регул девушка пребывала в затворничестве и через пять дней по истечении положенного срока мылась⁷⁴.

В других повествованиях более явно присутствуют числа 5 и 3. Так, в истории о состязании Ворона и Бурого медведя говорится, что Ворон, у которого в качестве приманки было припрятано под перьями немного лосося, поймал пять палтусов, а Медведь – ничего. Ворон сказал, что для приманки берет немного мяса со своей ноги. Медведь, последовав этому обманному примеру, сделал себе такой глубокий порез, что «убежал на 3-х ногах»⁷⁵.

Еще в одном повествовании число 3 задействовано в анатомической характеристике морского животного. Отправившись вызволять жену, похищенную китом, герой узнает, что у него будут трудности с двустворчатой раковиной, рыбой с одним шипом и палтусом. Преодолев препятствия, он добирается до великанов (рабов китов), у которых было по три спинных плавника. Герой откусывает лезвия (визуальный аналог плавника) у двух топоров, а затем в ответ на упреки раба возвращает их на место. Позднее с помощью этого раба он вызволяет свою жену, которой киты уже собирались прикрепить плавник⁷⁶.

Если учесть, что плавники, как и конечности у сухопутных животных, – средство передвижения и что количество плавников может быть значимым в семиотике повествования, следует обратить внимание на приманку Ворона в предыдущей истории. Приманкой, на которую выловлены пять палтусов, послужило мясо лосося; а у лосося как раз пять брюшных плавников.

Приведем другие примеры семиотической роли чисел 3 и 5. В повествовании о происхождении света⁷⁷ говорится о том, что он хранился у богатого тоэна в трех ящичках. Чтобы достать свет, надо было сделаться внуком тоэна, и Эль превратился в травинку, которую с водой выпила дочь тоэна. Родившийся младенец Эль был капризен и все время кричал, показывая рукой на то место, где висели три ящика с небесными светилами. Пришлось принести ему один из ящичков; младенец открыл его, и тотчас на небе явились звезды. Из второго ящика появилась луна. Получив наконец и третий ящик, Эль обернулся вороном и исчез вместе с этим ящиком (там было солнце), после чего «явился в земле своей». Услышав человеческие голоса и желая доказать людям, что он способен сделать свет, Эль открыл этот ящик – тотчас на небе появилось солнце. В завершение истории говорится, что «найденные им люди разбежались в разные стороны: кто в горы, кто в лес, кто в воду, и оттого сделались зверями, птицами и рыбами, смотря по тому, кто куда убежал»⁷⁸.

Появление света происходит в три этапа, возникают три различных светила, и как только на небе установилось третье светило – солнце, то сразу же возникают и три новых космических локуса, куда ушли люди, превратившиеся в представителей фауны земли, водной стихии и воздуха. Эти три новые локуса как бы добавляются к уже имеющимся двум – земле, где живет Эль, и земле «где-то на высоте», где живет

хранитель светил с дочерью. Итак, посредством числа 3 астрономический субкод дополнен субкодом структуры мироздания, где соотносены 3 и 5.

Еще в одном мифе, записанном Краузе⁷⁹, можно обнаружить, что числа 8, 5 (10) и 3 скрепляют все повествование, стоит лишь выделить все те же два субкода.

Дочь великого вождя отвергала всех женихов, не желая стать ничьей женой. Однажды ночью к ней пришла безобразная собака, принявшая облик красивого юноши, и соблазнила ее. У молодой женщины родилось восемь щенят. Разгневанный отец покидает свою дочь, с ним уходят и все жители селения. Позднее кто-то из сострадательных родственников приносит ей горячие угли и пищу, пока ей не удастся добыть лосося.

Во время отсутствия матери, щенки, сняв шкуру, превращаются в людей. Обычно семь братьев играли у очага, а восьмой ребенок-дочь наблюдала за дверью, не идет ли мать. Однажды мать крадучись вернулась, все увидела и сожгла их собачьи шкурки, повешенные на стене.

Как-то младший брат, который был успешным охотником, убивавшим животных и на суше, и на море, склонил своих братьев поиграть с блестящим обручем, полученным от большого медведя. И сам охотник, и все его братья, кроме старшего, были разрезаны этим обручем надвое. Старший брат, который был шаманом, разломил обруч пополам и забросил его на небо, где тот стал радугой. Затем, собрав останки своих братьев, он оживил их.

Младший брат был в любовной связи со своей сестрой. Братья решили разрушить эту связь, высмеяв его. Они испачкали кровать сестры смолой, и когда на следующее утро все увидели, что ягодицы юноши в смоле, то над ним посмеялись. В стыде он убежал на вершину высокой горы и сказал, обратившись оттуда к сестре, что они должны расстаться. Сестра погрузилась в глубокую яму у подножья горы, а ее брат-любовник превратился в птицу и улетел на запад. Когда звучит гром, это он разговаривает со своей сестрой.

В повествовании неоднократно присутствует мотив разделения – родственников, любовников, частей тела: а) отец расстается с дочерью и ее детьми; б) мать разделяет тела своих детей – люди и их же собачьи шкурки; в) пополам разрезаны тела шести братьев; г) обруч разломан надвое; д) навсегда разделены брат и сестра. Итого пять разделений надвое.

Число 5 в неявном виде представлено и теми животными, которые упоминаются: у медведя – пять пальцев, у лосося – пять плавников. Итак, анатомический субкод охватывает и людей, и животных. Разрезание обручем надвое приводит к тому, что теперь имеется 12 половин человеческого тела и 3 тела – старший брат, сестра и мать; всего 15 единиц. В повествовании число 5 подразумевается и в качестве совокупной характеристики мироздания: кроме суши и моря, где обитают объекты охоты, имеется территория, где проживает человеческая семья; есть еще две космические сферы – небо и подземный мир (внутри горы), куда устремляются, соответственно, младший брат и сестра.

У других народов Тихоокеанского Севера еще более преобладают учетверения, но интересны и те немногие ситуации, когда повествователь прибегает для характеристики количеств именно к числам 5 и 3. Рассмотрим некоторые примеры из мифологии хайда и квакиутлей.

В работе «Отражение культуры квакиутлей в их мифологии» Ф. Боас специальный раздел посвящает числовым константам⁸⁰. Он перечисляет многие случаи присутствия в мифах таких констант, как 4 (уделяет ей семь страниц из десяти), 8, 3 (считает эту константу незначимой), 5 и 2 (также незначима).

Четыре, по наблюдениям Ф. Боаса, – неизменное магическое число при повторении каких-либо действий, отсчете дней (лет), например, столько требуется дней на обратный путь от сверхъестественных существ, длительности праздника (зимний праздник – четыре дня) и др. Примеры четырехкратности действия для достижения успеха: четырехкратное окропление тела водой жизни, чтобы воскресить; четыре

призывания сверхъестественного помощника – двухголового змея и столько же, в другой ситуации, чтобы подобного змея умертвить; четырежды приглашают на праздник; столько же раз шаман высасывает болезнь, а женщина рожает; с четвертого броска гарпун достигает цели, и др. Весьма много различных ситуаций, в которых присутствуют четыре персонажа или объекта: столько домов сверхъестественных существ; герой убивает четыре лосося, или четыре палтуса, собаки, горных козла, кита; жены, брата; четвером ищут кедровое дерево; четыре стрелы; четыре сверхъестественных или брачных дара (некоторые из них суть учетверения, например, дар включает в себя четыре маски каннибалов, четыре головных обруча, четыре шейных обруча)⁸¹.

Единственная из упомянутых им констант, которая оставлена Ф. Боасом без комментариев относительно ее значимости, это 5. Вполне вероятно, что четверичность наиболее присуща категоризации в мифологическом мышлении североамериканских индейцев, представлению перехода от общего к частному, хотя встречается и категоризация с опорой на 3 и 5 (например, у центральных алгонкинов и виннебаго – земля, вода, подводный мир, атмосферное небо и небо эмпирея и, соответственно этому, классификация животных⁸²). В поисках роли числа 5 у приморских народов обратимся к контекстам употребления этого числа в мифологических повествованиях квакиутлей.

Происхождение лосося (записано в этнической группе коскимо)⁸³

Имя отца, жившего с тремя сыновьями, было Мудрец; имена сыновей: Ведущий-зимний-танцор, Зимний-танцор, Последний-зимний-танцор. Как-то, пожелав создать лосося, отец вырезал его фигурку из коры красной сосны, бросил в воду – появилось много трески. Затем он вырезал лосося из коры ольхи, бросил в воду – запрыгало много красной трески. Сделал фигурку лосося из кедра – появилось много палтуса, белого с одной стороны.

Тогда Мудрец предложил детям отправиться с ним к вождю и украсть у него лосося; добирались туда морем. Он заранее попросил их окрасить кедр ольховой корой в красный цвет и наказал сыновьям унести правый задний плавник лосося.

В доме были Вождь-вселенной и его раб. Вождь пригласил Мудреца и его сыновей в дом. Он поставил в очаг медные пластины; когда они разогрелись, положил их щипцами в ящик, а сверху на них – крабов. Возникло множество лягушек. Мудрец заявил, что они этого не едят, и Вождь велел рабу приготовить им корни клевера; из корней клевера, положенных на эти же пластины, возникло множество змей. Их тоже не стали есть.

Тогда вождь послал раба посмотреть ловушку для лососей: тот принес двух лососей, зажарил их. Перед тем, как есть, Вождь приказал сохранить все косточки. Все же одной косточки он не досчитался и упрекнул своих гостей: «Вы украли моего лосося!» Он обыскал их, но ничего не нашел. Понимая, что они все же украли косточку, повелел им не причинять вреда лососям.

Мудрец попросил дать ему корзину, которая была подвешена; в ней хранился снег. Он приподнял крышку – тут же пошел снег. Появились незнакомцы, они четырежды произнесли: «Уо, уо!».

Позднее Последний-зимний-танцор, взявший анальный плавник лосося, бросил его в воду: сразу же там запрыгало много лососей; он заставил их подняться в реки. Затем он развязал корзину – начался сильный снегопад.

В другой версии этого повествования, записанной Ф. Боасом у той же этнической группы квакиутлей, имеются небольшие отличия, которые дополняют картину. Так, вождь с тремя сыновьями, чтобы добыть лососей, отправляется к Вождю лососей: медные пластины используются там вместо камней для кипячения воды; лососи, которых затем жарят, вытаснены из запруды; визитеров просят не прятать ни единой косточки; уже почти подойдя к дому, бросают украденную косточку в воду и затем

открывают корзину – реки оказываются полны лососем и начинается снегопад, «это происхождение лосося и снега»⁸⁴.

Из совокупного рассмотрения двух версий явствует, что речь идет о сцеплении двух явлений: прихода лососей в реки и снегопада. Это подкрепляется и заместимостью Вождь вселенной/Вождь лососей. Двойкая этиология подразумевает нечто общее – аналогию в двух совершаемых движениях: подъем рыбы по реке и падение снега. В обоих случаях речь идет о потоках, образованных дискретными объектами; мироздание предстает в качестве совокупности из двух сфер: верх (небо)/низ (земля) и море/суша.

Объект, которого желают, – лосось рассмотрен в повествовании по нескольким признакам: форма, цвет, плавники (средство передвижения). Воспроизведения признака формы – при изготовлении фигурки лосося из коры – оказывается недостаточно; воспроизведения формы рыбы и цвета ее плоти (красный) – также недостаточно. Только соединение плавника с водой приводит к возникновению множества лососей.

Примечательно, что похищает анальный плавник и бросает его в воду как раз третий (по перечислению) сын – Последний-зимний-танцор. Тем самым этот плавник оказывается маркирован признаком «последний». Полагаем, что он последний и при виртуальном перечислении брюшных плавников; прослеживается связь между третьим сыном и пятым плавником лосося.

Число 4 играет роль своеобразного обрамления: семья из четырех человек; ею получены четыре объекта. В свою очередь эти объекты мысленно объединяются в пары: медь и лососи – поскольку повествователем уже неоднократно выделен такой признак, как красный цвет; лягушки и змеи – как существа, способные к передвижению по суше и воде. Вместе с тем этиологию повествования образуют не четыре, а пять объектов – еще возникает снегопад, также объединяемый в пару с лососями. Итак, от соединения пятого плавника лосося с водой образуются пять объектов (явлений), мысленно объединяемых в три пары.

Число 5 явственно предстает и в количестве неудачных попыток, предпринятых для создания лосося не из его собственного вещества, а посредством какого-либо эрзаца: фигурки из трех пород деревьев, крабы, клевер. В первых трех попытках эрзац лосося соединен с водой; в двух других – с огнем. В каждой из них по-своему присутствует попытка объединить сухое и сырое (в первых трех «сырое» представлено водой; в четвертой–пятой «сырое» – живым индивидом, растением, а «сухое» – огнем). В отличие от соединения двух компонентов, дающего эрзац единства сухого и сырого, каждое из явлений, составляющих главную этиологическую пару, может быть понято как уже реализованное единство сухого и сырого: снег – сухая вода, а «косточка» (здесь – плавник) – несъедаемый сухой остаток плоти.

В рассмотренном повествовании нет отчетливого описания многочастного мироздания; выделяются три природных сферы – суша, море и небо, откуда падает снег. Вместе с тем следует допустить, что число 5 может встретиться в повествовании в связи с описанием мироздания. Дело в том, что именно таково, по Ф. Боасу, количество основных космических сфер: верхний мир, мир за океаном, подводный мир, мир духов (подземный или около человеческого селения), наш мир⁸⁵. Обратимся к космогенетическому нарративу.

Советник-вселенной (записано Ф. Боасом у этнической группы тласкенок)⁸⁶

У Советника-вселенной было четыре брата младше его и четыре жены. Он испытывал ревность к своему следующему по старшинству брату; попросил его вместе с ним сходить расколоть кедровое дерево. Советник-вселенной сам расколол кедр, затем бросил внутрь трещины свой молот и попросил брата достать его оттуда. Как только брат вошел внутрь, Советник-вселенной запер его там, и брат умер. Когда еще один из братьев вступил в любовную связь с его женой, то, догадавшись об

этом, Советник-вселенной проделал с ним то же, что и с первым братом. То же произошло с третьим братом.

Остался еще один брат по имени Ужаснувшийся, обладавший сверхъестественными способностями и имевший маску Крапивника и кору ольхи. Он знал о том, что произошло с его братьями. Когда он, в свою очередь, вошел в трещину кедрового дерева, то надел шкуру Крапивника и пожевал кору ольхи. Крапивник вылетел и вспорхнул на дерево. Ужаснувшийся окропил живой водой своих братьев и воскресил их.

У Советника-вселенной были четыре собаки; они находились на крыше. Ужаснувшийся обычно носил с собой лук и четыре стрелы. Советник-вселенной разжег огонь на крыше и отправил Ужаснувшегося погасить пожар. Собаки пытались покусать его, но он выстрелами из лука убил их. Вернувшись, Ужаснувшийся сделался любовником жены Советника-вселенной.

Советник-вселенной, желая известить брата, вспомнил об огромном моллюске, проглатывавшем всякого, кто к нему приближался; во время отлива он отправил своего соперника за моллюсками. Ужаснувшийся запаса трютом, и, когда моллюск проглотил его, он высверлил внутри моллюска огонь: моллюск раскрылся и умер.

Советник-вселенной предложил Ужаснувшемуся сходить к Прожорливой скале. Тот захватил с собой маску горноста. Когда добрались до вершины, Советник-вселенной обвязал Ужаснувшегося веревкой и послал его вниз. Как только тот очутился внизу, Советник-вселенной перерезал веревку. Ужаснувшийся надел маску и запрыгнул на отвесную скалу.

Наконец Советник-вселенной задумал утопить младшего брата, отправив его по морю в ящике, покрытом раковинами. Ужаснувшийся взял сала и пригласил с собой мышь. Внутри ящика Советник-вселенной положил четыре медных пластины, чтобы они тянули ящик вниз, и привязал к нему камень. Он вывез ящик в море, вывалил его, и ящик затонул. Мышь прогрызла ящик, он всплыл.

Четыре дочери Птицы-молнии, игравшие около своего дома, заметили нечто плывущее по воде, подобное солнцу. Три девушки попытались приподнять ящик, но не смогли. Как только взялась за это младшая дочь, ящик сам стал подниматься с берега; девушка принесла его домой. Ужаснувшийся, выйдя из ящика, женился на ней. Жена научила его надевать шкуру Птицы-молнии, и они вместе летали. Однажды они полетели навестить его сородичей. Убив двух китов, по предложению небесной жены они оставили их на берегу.

Позднее Птица-молния, тесть Ужаснувшегося, спросил, не хочет ли он отомстить старшему брату, и посоветовал ему убить двух китов и положить их недалеко от селения. Утром Советник-вселенной увидел двух мертвых китов. Он оделся в раковины, принес трещотку и запел сакральную песню. Затем подошел к одному из этих китов. Ужаснувшийся прилетел, схватил когтями своего старшего брата и полетел с ним над морем, затем бросил его в воду, и тот умер. Ужаснувшийся вернулся, позвал своих трех братьев: они стали вождями его племени. Он сказал им, что не останется в этой стране, а будет вождем птиц-молний.

Четверичность и здесь служит своего рода фоном и основным количеством, из которого возникает маркер 5. Так, у Советника-вселенной четыре брата и четыре жены, а также четыре собаки; четыре медные пластины положены в ящик; четыре дочери; четыре (два плюс два) кита убито орлами. Однако неоднократно представлено и иное число, посредством формулы $(1 + 4)$: всего пять братьев; попыток известить Ужаснувшегося предпринято пять – одна защемлением в расколоте створе (как и других братьев) и затем еще четыре; лук и четыре стрелы – всего пять предметов носит с собой герой; четыре пластины и привязанный к ящику камень – эти пять предметов должны были утопить.

Число 5 дополнено в некоторых ситуациях числом 3. Так, три брата умерщвлены, а затем воскрешены; три брата остаются жить на земле, становясь вождями племени.

Как и в мифе о происхождении лососей, присутствует вертикаль мироздания: там – снегопад, а здесь – движение по скале вверх и спуск с нее, потопление, полет к небу. Этиологическое сообщение этого мифа – установление нового порядка на земле и в мироздании: на земле теперь главенствуют трое, а не один; мироздание, ранее населенное только в одной сфере, населено в трех (кроме земли, еще небо и морская стихия). Всего упомянуто пять космических сфер: еще лес и скала. Таким образом, числа 3 и 5 сопряжены с субкодом частей мироздания.

Итак, у квакиутлей (как и тлинкитов) число 5 сцеплено и с анатомическим субкодом – в сюжете о происхождении лососей, и с субкодом структуры мироздания. Число 3 связано только с упорядочением мироздания.

Числовой код в мифологической традиции хайда воспринял двоичность из социального деления племенной общности на два клана, Ворона и Орла. Двоичность, т.е. разделение совокупности надвое, представление ее парными объектами, нередко сочетается с четверичностью и иногда с числами 5, 10.

По данным И.Р. Свентона⁸⁷, в конце XIX в. хайда описывали мироздание состоящим из земли и небесной сферы. Небесная сфера включала в себя пять небесных стран, одну над другой. Ниже твердой поверхности земной сферы – море, на котором плавают два острова: «внутренние страны» (там же и территория хайда) и «страна, обращенная к морю», или «главная земля». В основании страны хайда – сверхъестественное существо Священный-стоящий-и-движущийся, он принадлежит клану Ворона и располагается на медном ящике. Сверхъестественных существ, способных воздействовать на жизнь людей, – четыре группы: существа верхнего мира, или атмосферы, существа моря, существа земли, божества-покровители. «Океанических людей» насчитывается (5 + 1): народ-дьявольской рыбы, -дельфинов, -лососей, -сельди, -черных-китов, а также наиболее могущественные – народ-косаток. Каждый из океанических народов также разделен на два клана – Ворона и Орла. Все косатки вороньего клана – черные, а орлиного – с белым пятном у основания спинного плавника; «орлиные» косатки живут на 10 островах.

В описании и структуры мироздания, и «океанических народов» соположены два классификационных принципа – дихотомия и применение чисел, кратных 5. Перечислим ситуации, когда в мифологических повествованиях (записанных Свентоном у этнической группы скидегейт) присутствуют однородные количества, кратные 5: пять семей, первыми обучившиеся (с помощью сверхъестественной птицы) строить каноэ, дома, изготавливать рыболовное снаряжение, циновки и т.д.; 5 (10) мужчин (братьев) отправились на морскую охоту; 10 детей – 9 мальчиков и одна девочка; 10 племянников; топор стоимостью в 5 рабов; 5 ящиков, вставленных один в другой, – в них помещена жена героя, на дне моря отобранная у похитителей, людей-косаток; 10 частоколов, один внутри другого, – чтобы удержать плененных медведей, воевавших с людьми; добыча, подарок орла – сначала хвост лосося, а позднее 10 китов; 10 детей, которые убили огромного черного кита, выбросили его в море (из частей кита образовались все виды морских животных), сами стали горами; 10 праздников дают своим дядьям племянники умершего вождя – в результате все дядья превращаются в сухопутных выдр; южный ветер дует непрерывно в течение 10 дней, отчего тюлени покидают свое обычное местопребывание; 10 медных пластин брошены в море, чтобы это жертвоприношение морской стихии (божеству) помогло причинить ущерб противнику; 10 каноэ с людьми из другой этнической группы – их убивают, что влечет за собой жестокое отмщение потерпевшей стороны⁸⁸.

Все ситуации с числом 5 (10) затрагивают и морскую стихию. Обратимся к двум текстам, где фигурирует число 10.

Тот, кто собирал пищу для орлов⁸⁹

Юноша, регулярно дававший пищу орлам, так рассердил своих дядьев, что они отказались его кормить и покинули его. Однажды юноша увидел сидящего на утесе

орла. Ежедневно он стал находить там для себя пищу: в первый раз это был хвост весеннего лосося, позднее количество пищи все возрастало. Однажды он нашел сразу 10 китов. Как-то один из рабов его дядьев навестил юношу. Тот накормил раба, велел ничего не говорить дядьям о его достатке, но случайно они узнали об этом. Дядья предложили юноше в жены своих дочерей: он взял только дочь младшего дяди. Другие девять дядьев вынуждены были покупать у него пищу.

В повествовании этиологическое сообщение определяется возникновением обменных отношений в рамках одной племенной общности. В числовом коде это предстает так: 11 (все мужчины живут сообща); 1 + 10 (племянник и дядья живут, потребляют раздельно, две стороны); 1 + 9 (две хозяйственных сферы: племянник и семья младшего дяди, которую он содержит; девять семей дядьев). Итак, 10 как целое означает уже социально структурированную совокупность. Космических сфер подразумевается 3: суша, море, небо и утесы (где обитает орел).

Тот, кто уничтожил девять племянников⁹⁰

Вождь очень ревновал свою жену, из-за чего и убил 9 из 10 своих племянников. Младший племянник в ответ уничтожил всех помощников своего дяди. Дядя поместил племянника в ящик и бросил его в море; ящик причалил к городу Орла. Племянник женился на дочери Орла и получил в пользование орлиную шкуру. Затем он полетел в город своего дяди, схватил его за волосы и бросил в море, где тот стал одним из сверхъестественных существ. Племянник занял его место и женился на его жене.

Это повествование использует тот же социальный код, что и предыдущее: взаимодействие дядьев/племянников, упорядочивание отношений через брак. Задействованы те же три природно-космические сферы: суша, море, город Орла.

Подведем итоги изучения числового метаязыка в мифологической традиции шести народов – эскимосов, двух палеоазиатских народов и индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Всем этим этническим традициям присуща пятичастная модель мироздания, охватывающая все природно-космические сферы, затрагиваемые повествованием. В текстах чегырех народов – эскимосов, чукчей, нивхов, тлинкитов – значимыми оказываются и анатомические характеристики (людей и животных), маркированные количеством 5 (10). Из этого, полагаем, следует, что в ментальности носителей традиции присутствует некая аналогия, эквивалентность между строением тела индивида (особое внимание – к средствам, обеспечивающим движение) и структурой мироздания.

У эскимосов и чукчей пятиричность преобладает, у североамериканских индейцев лишь мерцает на фоне классификаций на основе 4, а у нивхов служит самостоятельным дополнением к другой форме (формулам $2 \rightarrow 4$, $4 \rightarrow 2$). Однако во всех этих мифологических традициях числовой код представлен как таковой, он служит скреплению различных аспектов повествования, а пятиричность (числа 5 и кратные ему) во многих повествованиях связана с запечатлеваемой таким образом пятичастностью мироздания, в структуре которого непременно присутствует морская стихия.

Примечания

¹ Boas F. Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // Bul. of the Amer. Museum of Natural History. 1901. Vol. XV. P. 163–165.

² Boas F. The Central Eskimo. Wash., 1888. P. 583–589; Расмуссен К. Великий санный путь. Л., 1935. С. 62; Богораз В.Г. Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сов. фольклор. 1936. № 4/5. С. 38–43; Сказки и мифы эскимосов. М., 1985. С. 11–12.

³ Boas F. Second Report on the Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // Bull. of the Amer. Museum of Natural History. 1907. Vol. XV. Pt II. P. 492–497.

⁴ Boas F. Eskimo of Baffin Land... P. 167.

⁵ Богораз В.Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М.: Л., 1934. С. 25; Он же. Материалы по языку эскимосов. Л., 1949. С. 95; Меновицков Г.А. Эскимосы. Магадан, 1959. С. 86; Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. I. М., 1962.

- ⁶ *Boas F. The Central Eskimo. P. 585.*
- ⁷ Легенды и мифы народов Севера. М., 1985. С. 373; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керечи, коряки и ительмены) / Сост., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова. М., 1974. № 2, 12, 25, 29, 30, 37, 39, 42; Сказки и мифы эскимосов. № 8, 22, 40, 63, 84, 88, 89, 119, 120, 124, 130 (азиатские эскимосы); 140, 145 (аляскинские эскимосы); 209, 257 (гренландские эскимосы); *Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. 1. М.; Л., 1954. № 5, 12, 40.*
- ⁸ Сказки и мифы эскимосов. № 102. С. 246 (азиатские эскимосы).
- ⁹ Легенды и мифы народов Севера. С. 374–376.
- ¹⁰ Сказки и мифы эскимосов. № 102. С. 251 (азиатские эскимосы).
- ¹¹ Там же. № 205. С. 415 (гренландские эскимосы).
- ¹² Там же. № 67. С. 149; № 111. С. 269; № 40. С. 97 (азиатские эскимосы); № 229, 261 (гренландские эскимосы).
- ¹³ *Рубцова Е.С. Указ. соч. № 27, 33.*
- ¹⁴ Сказки и мифы эскимосов. № 63. С. 137 (азиатские эскимосы).
- ¹⁵ *Boas F. Second Report... P. 509.*
- ¹⁶ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. № 69.
- ¹⁷ Сказки и мифы эскимосов. № 38. С. 85 (азиатские эскимосы).
- ¹⁸ Там же. № 99. С. 238 (азиатские эскимосы).
- ¹⁹ *Рубцова Е.С. Указ. соч. № 41.*
- ²⁰ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. № 25. С. 121.
- ²¹ Сказки и мифы эскимосов. № 64 (азиатские эскимосы).
- ²² Там же. № 69 (азиатские эскимосы); *Рубцова Е.С. Указ. соч. № 17.*
- ²³ Сказки и мифы эскимосов. № 79, 78 (азиатские эскимосы).
- ²⁴ Там же. № 149, 145, 156 (аляскинские эскимосы).
- ²⁵ Там же. № 257 (гренландские эскимосы).
- ²⁶ Там же. № 229 (гренландские эскимосы).
- ²⁷ *Мужчинкин В.Ф. Морские львы и котики. М., 1987. С. 17.*
- ²⁸ Сказки и мифы эскимосов. № 78.
- ²⁹ Там же. № 84.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Boas F. The Central Eskimo. P. 590.*
- ³² *Меновщиков Т.А. Указ. соч. С. 95.*
- ³³ Там же. С. 96.
- ³⁴ *Boas F. Second Report... P. 493, 499.*
- ³⁵ *Богораз В.Г. Чукчи. Т. II. Л., 1939. С. 18.*
- ³⁶ Там же. С. 19.
- ³⁷ Там же. С. 100.
- ³⁸ Там же. С. 88.
- ³⁹ *Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. С. 82.*
- ⁴⁰ *Богораз В.Г. Чукчи. Т. II. С. 87.*
- ⁴¹ Там же. С. 12.
- ⁴² *Богораз В.Г. Основные типы фольклора... С. 40. Первый вариант этой статьи появился в 1902 г.: Bogoraz W. The Folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northeastern America // Amer. Anthropologist. 1902. Vol. 4.*
- ⁴³ *Никифоров А.И. Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления // Сов. фольклор. 1935. № 2/3. С. 255–258.*
- ⁴⁴ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. № 61.
- ⁴⁵ Там же. № 76.
- ⁴⁶ *Богораз В.Г. Материалы по изучению... № 77. Близкий к этому пример: об «отличном охотнике» говорится, что он промышляет на море кита, моржа, лахтака, тюленя и белого медведя, т.е. пять видов животных. См.: Там же. № 79. С. 212.*
- ⁴⁷ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. № 70.
- ⁴⁸ *Богораз В.Г. Материалы по изучению... № 75.*
- ⁴⁹ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. № 63.
- ⁵⁰ Там же. № 76.
- ⁵¹ *Богораз В.Г. Материалы по изучению... № 76.*
- ⁵² *Богораз В.Г. Чукчи. Т. II. С. 40.*
- ⁵³ *Богораз В.Г. Материалы по изучению... № 142. С. 379–382.*
- ⁵⁴ Там же. № 69. С. 185.
- ⁵⁵ Там же. С. 210.
- ⁵⁶ Там же. № 78 (I).
- ⁵⁷ См.: *Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.*
- ⁵⁸ В нивхском языке слово *пал* обозначает и горы, и тайгу; *пал нивх* – горный (таежный) человек, обитатель такой космической сферы, как горная тайга (или безлесные горы, или тайга).
- ⁵⁹ См.: *Островский А.Б. Указ. соч. С. 45, 47, 52–53, 59, 81–82, 84–85, 88–89.*

- ⁶⁰ Полный текст мифа, записанного Л.Я. Штернбергом, см.: *Штернберг Л.Я.* Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора. СПб., 1908. № 16. С. 150–155.
- ⁶¹ *Крейнович Е.А.* Очерк космогонических представлений гилияк о-ва Сахалина // *Этнография.* 1929. № 1. С. 88–89.
- ⁶² Публикацию полного текста этого мифа см.: *Тексты нивхов (Из неопубликованного научного наследия Б. Пилсудского)* // *Краеведческий бюл.* 1995. № 4. С. 134–140.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ СПб филиал Архива РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 977–979.
- ⁶⁵ Там же. Л. 959–964.
- ⁶⁶ См.: *Островский А.Б.* Указ. соч. С. 266–269.
- ⁶⁷ См.: *Таксами Ч.М.* Система культов у нивхов // *Сб. МАЭ.* Т. 33. Л., 1977. С. 92. О роли числа 15, маркирующего появление нового, свидетельствует и тот факт, что новорожденного у сахалинских нивхов первые 15 дней умывали молоком матери, и лишь позднее – водой. См.: *Штернберг Л.Я.* Гилияки, орочи, голды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 336.
- ⁶⁸ *Крейнович Е.А.* Нивхгу. М., 1973. С. 412–417.
- ⁶⁹ *Таксами Ч.М.* Указ. соч. С. 95, 97.
- ⁷⁰ *Панфилов В.З.* Грамматика нивхского языка. Ч. 1. С. 188.
- ⁷¹ *Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. 3. СПб., 1899. С. 74–75.
- ⁷² *Вениаминов И.Е.* Записки об атхинских алеуатах и колошах. Ч. 3. СПб., 1840. С. 78–79.
- ⁷³ *Krause A.* The Tlingit Indians. Seattle, 1956. P. 175–177.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 69; *Вениаминов И.Е.* Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1840. С. 107–108.
- ⁷⁵ *Krause A.* Op. cit. P. 182.
- ⁷⁶ *Ibid.* P. 188–190.
- ⁷⁷ *Вениаминов И.Е.* Указ. соч. С. 44–48.
- ⁷⁸ Там же. С. 48.
- ⁷⁹ *Krause A.* Op. cit. P. 184–185.
- ⁸⁰ *Boas F.* Kwakiutl Culture as Reflected in Mythology // *Memoirs of the American Folklore Society.* Vol. XXVIII N.Y., 1935. P. 113–123.
- ⁸¹ *Ibid.* P. 113–120.
- ⁸² *Леву-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 157.
- ⁸³ *Boas F., Hunt G.* Kwakiutl Texts // *Memories of Amer. Museum of Natural History.* Vol. V. Pt II. 1902 P. 390–392.
- ⁸⁴ *Boas F., Hunt G.* Kwakiutl Texts // *Memories of Amer. Museum of Natural History.* Vol. III. 1905. P. 510.
- ⁸⁵ *Boas F.* Kwakiutl Culture as Reflected in Mythology. P. 125–133.
- ⁸⁶ *Boas F., Hunt G.* Kwakiutl Texts // *Memories of Amer. Museum of Natural History.* Vol. V. Pt II. P. 365–373
- ⁸⁷ *Swanton J.R.* Contributions to the Ethnology of the Haida // *Memories of Amer. Museum of Natural History.* Vol. V. Pt I. 1905. P. 12–19.
- ⁸⁸ *Ibid.* P. 192, 194, 199, 203–205, 213, 221, 224, 225, 232, 265.
- ⁸⁹ *Ibid.* P. 205.
- ⁹⁰ *Ibid.* P. 194.

A.B. O s t r o v s k y. The Numerical Code in Mythological Narratives of the North Pacific Cultures

Numerical characteristics of the Siberian Yupik, Chukchi, Nivkhi, Tlingit, Haida, and Kwakiutl mythological narratives are elucidated and interpreted on the basis of structural semiotic analysis. All these cultures share a five-partite model of the Universe, incorporating all the natural and cosmic spheres of the narration. The Siberian Yupik, Chukchi, Nivkhi, Tlingit share as well a five-partite (or ten-partite) classifications of human and animal bodies. This is the basis for the author's hypothesis that the structure of the Universe is viewed in these cultures as analogous to the body structure of a living being. The structure of the narrative itself tends to be five-partite among the Siberian Yupik and Chukchi, whereas among the North American Indians it is combined with four-partite classifications, and in the case of the Nivkhi the five-partite is a supplement of more standard formulas of $2 \rightarrow 4$, and $4 \rightarrow 2$. The numerical code is used in all the mythological traditions under review; it serves as a link of different aspects of the narrative; and the five-partite division of narratives is related to the five-partite structure of the Universe, to which a sea element is essential.